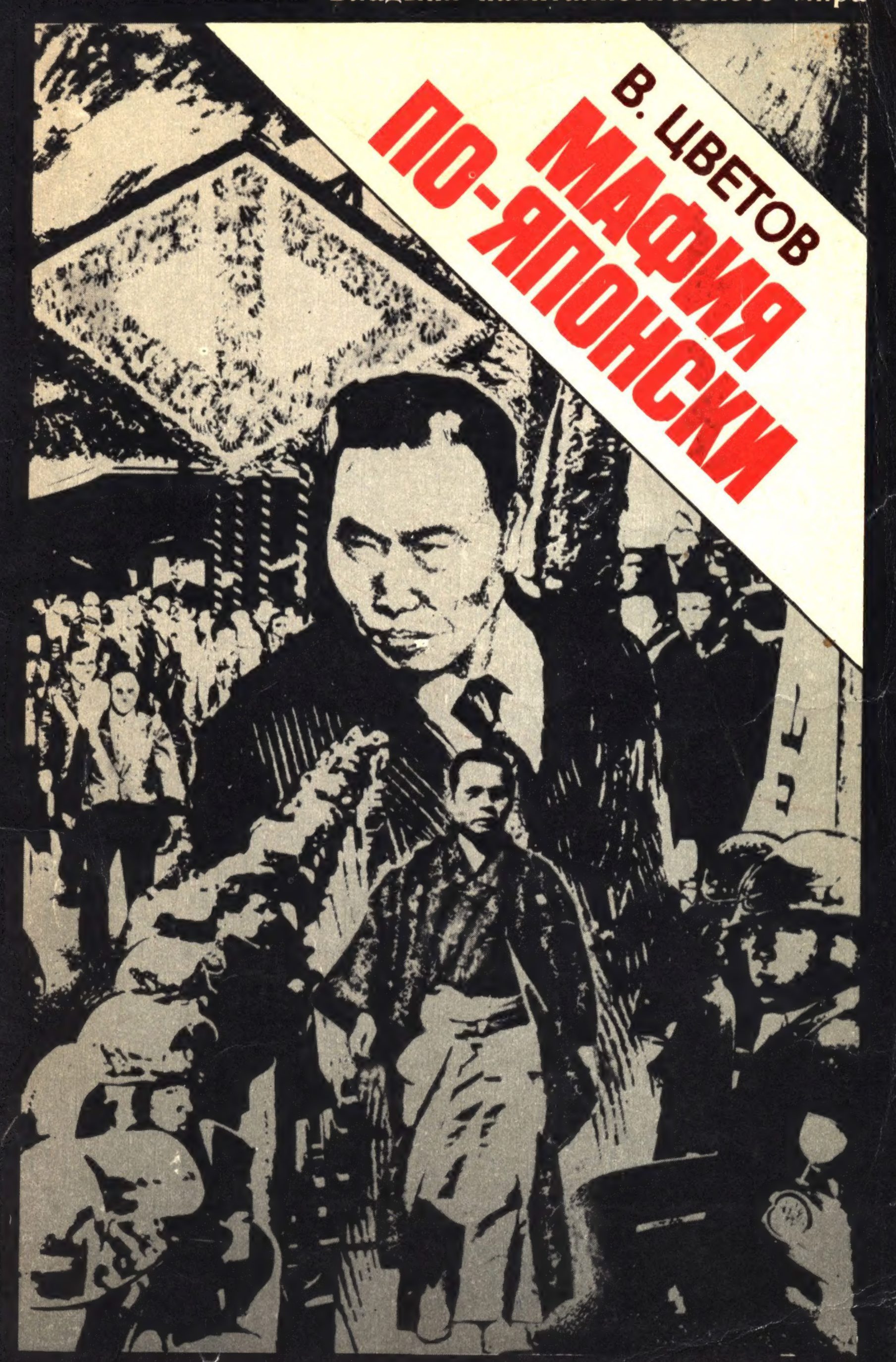
Владыки капиталистического мира

„Владыки
капиталистического
мира”

В. ЦВЕТОВ

МАФИЯ ПО-ЯПОНСКИ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1985

66.3 (5Я)
Ц27

Цветов В. Я.
Ц27 Мафия по-японски. – М.: Политиздат, 1985. – 63 с. – (Владыки капиталистич. мира).

По числу участников эта организация не уступает самому большому в Японии электронному концерну „Мацусита дэнки". Ее доходы лишь не намного меньше доходов одной из крупнейших в мире автомобильных фирм „Тоёта". О лидерах этой организации в Японии снято фильмов и написано книг больше, чем обо всех исторических личностях страны. Что же это за организация?

Это японская мафия, объединение гангстеров, или, как их именуют в Японии, якудза. О становлении японского гангстерского синдиката, его месте в экономической и политической жизни Японии, связях с законодательной и исполнительной властью, а также с крупным бизнесом идет речь в брошюре, написанной журналистом В. Я. Цветовым.

Ц $\frac{0604040000-031}{079(02)-85}$ 208–85

66.3 (5Я)
32И

Похороны в Кобэ

(Пролог)

В Кобэ хоронили гангстера. Нет, не мелкого вымогателя или банального убийцу. Хоронили „короля" японского преступного мира, босса крупнейшего в Японии гангстерского синдиката, именуемого „Ямагути гуми". Хоронили Кадзуо Таоку. Свыше пяти тысяч гангстеров прибыли в Кобэ, чтобы почтить память самого жестокого и хитрого, самого лицемерного и вероломного, самого влиятельного и самого богатого якудза. Якудза в переводе с японского гангстер.

Траурная церемония оказалась бы еще многолюдней, если бы за два дня до похорон 9300 полицейских не провели облаву в 1332 бандитских „малинах" по всей стране. На месте преступления полиция схватила 870 боссов и их ближайших сподручных из 126 шаек – торговцев наркотиками, содержателей игорных притонов и подпольных публичных домов, вымогателей, шантажистов. 130 якудза удалось скрыться. По ним был объявлен всеяпонский розыск.

25 октября 1981 года, в день похорон, вид Кобэ вызывал в памяти кинокадры о войне. Улицы патрулировали громоздкие автобусы, обшитые листовым железом, словно броней. Сквозь зарешеченные щели проезжую часть и тротуары зорко оглядывали полицейские в касках. На главных перекрестках стояли водометы: брандспойты, будто пушечные жерла, торчали из башен, придавая и без того мрачным машинам вид танков. Впечатление прифронтового города усиливали полицейские, расположившиеся повзводно вокруг водометов. В касках с пластиковыми забралами, защищавшими лица, с дубинками и металлическими щитами в руках, они походили на десантников, готовых отразить противника.

А „противник" начал скапливаться в городе с восходом солнца. В черных костюмах с черными галстуками, в черных лаковых штиблетах, в черных очках якудза группами по 30–50 человек выходили из вагонов скоростной железной дороги „Синкансэн", из автобусов. Они прибывали на автомашинах, непременно американских и тоже черных. Короткая стрижка черных волос делала гангстеров почти близнецами-братьями, но толпившиеся на вокзальной площади и у съездов со скоростных автотрасс мужчины в штатском, чье подчеркнутое безразличие ко всему вокруг безо-

шибочно выдавало в них полицейских, легко узнавали в сплошь черной толпе давнишних знакомых.

– Хироси Кимура из „Кимура гуми”, – отогнув борт пиджака, во внутреннем кармане которого находились микрофон и портативная рация, отрапортовал в штаб полицейский.

– Итио Хирано, – поделился информацией с лацканом своего костюма другой полицейский и уточнил: – Тот, что живет в городе Химэдзи. – И после паузы – в штабе, видимо, требовали более полных сведений: – Да, да. Из „Такэнака гуми”.

– Кунидзиро Судзуки, босс банды „Судзукуни гуми”, – доложил в штаб третий полицейский. Этот уже не таился и держал микрофон прямо перед собой. Кунидзиро Судзуки запанибрата похлопал полицейского по плечу. В знак приветствия, надо полагать.

По японскому обычаю родственники усопшего Таоки разослали приглашения на похороны. В пригласительных билетах высказывалась весьма необычная для подобного обряда просьба: взять с собой на траурную церемонию не более двух телохранителей. И главари двух тысяч банд, охраняемые тремя тысячами плечистых головорезов, съехались в аристократический уголок Кобэ, целый квартал которого занимает усадьба Кадзуо Таоки. Вдоль высокой стены, окружающей усадьбу, протянулось полотнище в человеческий рост. На белой ткани черным пауком распластался герб „Ямагути гуми”. На увитых зелеными ветвями воротах, ведущих с улицы в сад, – вертикальная доска с крупно выписанными иероглифами: „Похороны третьего босса „Ямагути гуми”. Тысяча полицейских в касках, выставив вперед щиты, стояли плечом к плечу вокруг всей усадьбы. Лицом к ним – цепь черных костюмов и черных очков. Это – члены „Ямагути гуми”. Выражение на их лицах, их позы не оставляли сомнений: полиции не удастся легко войти в сад, где установлен алтарь с огромным портретом Кадзуо Таоки.

В начале улицы – полицейский кордон. Якудза привычным движением поднимали руки вверх, и поднаторевшие на обысках детективы тщательно обшаривали гангстеров с головы до пят. Искали оружие и деньги. Предосторожность нелишняя: японское преступное подполье постоянно раздирают междоусобицы. Пулевое ранение в шею, нанесенное Таоке членом соперничавшей банды, ускорило смерть „крестного отца” японской мафии. Перемирие, объявленное гангстерами на период траура, казалось полиции ненадежным. Случись на похоронах стрельба, полиция попала бы под массированный огонь прессы.

В Японии принято жертвовать семье умершего деньги, причем делать это надлежит обязательно на похоронах. Воспользоваться банковскими переводами якудза не могли еще и потому, что с пожертвований пришлось бы платить налоги. Отобрать деньги было для полиции, как она заявила, не менее важно, чем обезоружить гангстеров. Смерть босса неизбежно приведет к сокращению доходов „Ямагути гуми”, справедливо рассуждала полиция. А без до-

ходов невозможно, разумеется, содержать разветвленную организацию контрабандистов и тайных торговцев наркотиками, подпольных букмекеров и содержателей игорных и публичных домов, шантажистов, вымогателей и убийц. Следовательно, без денег синдикат распадется – к этому полиция стремилась все послевоенные годы. Так, во всяком случае, она уверяла общественность. Однако сколь демонстративно тщательно детективы ни ощупывали складки одежды гангстеров, „Ямагути гуми" все равно собрал во время похорон 250 миллионов иен. Подношения колебались от 300 тысяч до 20 миллионов. 20 миллионов иен – это пачка высотой почти треть метра.

Чем же примечателен Кадзуо Таока, если его похороны по пышности не уступали погребению премьер-министра?

Два убийства, семь покушений на убийство, 168 приводов в полицию, 9 лет тюремного заключения. Это из 46-томного досье на Таоку, заведенного еще в довоенную пору. Глава синдиката из 559 преступных банд, насчитывавших 11 800 якудза и действовавших в 35 префектурах страны, указывается в японском справочнике „Кто есть кто". Хозяин разветвленного нелегального и легального бизнеса с годовым доходом в 102 миллиарда иен – данные японских фискальных органов, которые при жизни Таоки так и не сумели обложить налогами большую часть барышей „Ямагути гуми".

Когда вместе с японскими корреспондентами я вошел в сад, где все было готово к панихиде, ко мне приблизился член образованного после смерти босса коллективного руководства „Ямагути гуми", отвечавший за связь с прессой.

– Кем был Кадзуо Таока для нынешнего японского общества? – спросил я гангстера.

– Японский пейзаж невозможно представить без горы Фудзи, японскую культуру – без икебаны, японскую промышленность – без электроники. – Якудза перечислил набор образов-штампов, сочиненных зарубежной печатью, чтобы мне, иностранцу, стала доступнее его мысль. – Так и японское общество, – докончил мысль якудза, – нельзя было вообразить без Кадзуо Таоки.

Гангстер – хозяйский угодник, сам того не подозревая, удивительно точно обозначил место Таоки, а заодно и всего преступного подполья в стране, прозванной „Джапан инкорпорейтед".

Истоки

„Если хочешь быть счастливым, приезжай в Эдо". Как и всякую крылатую фразу, эту поговорку родила жизнь. В XVII веке тысячи крестьян, ремесленников, самураев, чьи князья разорились и не могли содержать вооруженную охрану, устремились в Эдо – так тогда именовали Токио. К слову „счастливый" они знали единственный синоним: „богатый". Бурно строившийся Эдо дей-

ствительно давал неимущим крестьянам и самураям возможность заработать на существование, а особенно удачливым – разбогатеть. Крестьяне полагались на свои руки. Самураи, которых не до конца развратило тунеядство при княжеских замках, выбирали науки, изучение западных языков. Среди воинского сословия оказались, однако, и такие, кто сообразил: в кишащем пришлым людом Эдо не обязательно жить своим умом, можно жить и чужой глупостью. Бандзуйин Тёбэй был из их числа.

Неспособный усвоить ни одной буквы и прежде всего букву закона – ту, что требовала честности в азартных играх, он открыл игорный притон и довольно скоро сколотил состояние. Тёбэй сделался первым описанным в японской истории якудза. „Я" в переводе с японского „восемь", „ку" – „девять", „дза" – видоизмененное „сан", то есть „три". В сумме – двадцать, самое плохое число в японских картах.

Однажды власти предложили Тёбэю, успевшему прославиться в Эдо, заняться наймом рабочих для прокладки дорог в городе и окрестностях и для ремонта каменных стен Эдосского замка. Поскольку для этой деятельности Тёбэй навыков не имел, он снова прибег к помощи карт. Обыгранные им незадачливые картежники должны были на стройке отрабатывать долги и проценты на них. Так у якудза появился еще один „производственный" профиль: посредничество при найме на поденную работу. Вместе с азартными играми, букмекерством подобное посредничество, являющееся, по существу, системой организации принудительного труда, до сих пор остается частью бизнеса японского преступного подполья.

Сохранила для нас история и свидетельства о первой гангстерской войне. Она, как и в наши дни, вспыхнула из-за дележа территорий, на которых широко расплодившиеся к середине XIX века банды якудза устраивали свои игорные дома и обирали рабочих-поденщиков. Дзиротё из города Симидзу во главе гангстерской шайки из шестисот человек безжалостно вырезал группу соперников в соседней префектуре. Считают, что именно от Дзиротё дошла до нынешних якудза философско-людоедская сентенция:

„Пистолет холоден. Пистолет – это механизм. В нем нет персонификации, – так передают гангстеры слова Дзиротё. – А меч – продолжение человеческой руки, человеческой плоти, и я могу, – цитируют якудза изречение своего прародителя, – передать всю глубину ненависти к противнику, когда клинок моего меча пронзает его тело. Погружая руку-меч в тело врага, – в этом месте пересказа слов Дзиротё якудза обычно закатывают в экстазе глаза, – нет большего наслаждения произнести: „Синдэ мораимасу", то есть „прошу вас умереть".

Японская организованная преступность пришла к 300-летнему юбилею с результатами, которым, вероятно, жгуче завидуют и американская „Коза ностра", и сицилийская мафия. Годовой доход подпольных синдикатов мало уступает выручке, какую имеет, ска-

жем, концерн „Тоёта", крупнейший в мире производитель автомобилей. Это фантастическое богатство способно заставить людей верить во что угодно, даже в праведность нижеследующих поступков.

Одним ясным весенним днем, повествует сказание о Дзиротё, используемое уже сотню лет для назидания японским школьникам, якудза из города Симидзу повелел своему помощнику Исимацу предпринять паломничество в храм Компира, что на острове Сикоку. „Зачем же идти так далеко? – удивился Исимацу. – Ведь до храма четыре недели пути". – „Разве ты забыл, – ответствовал Дзиротё, – что как раз семь лет назад сразили мы Дайган Сакуробэя и Хагэта Кюроку, когда украли золотых дельфинов с крыши Нагойского замка? Благодаря молитве в храме Компира успех сопутствовал нам. Так можем ли мы остаться неблагодарными богам, благословившим нас на дело? Я очистил от крови свой меч. Преподнеси его храму вместе с пятьюдесятью монетами в качестве дара".

Исимацу отправился на Сикоку. А вернувшись, доложил: храм сделал меч святой утварью и принял 50 монет.

Неплохой набор статей уголовного кодекса, что́ нарушили участники сказочки. Два убийства и грабеж в особо крупных размерах повисли, выражаясь полицейской терминологией, на Дзиротё. Подстрекательство к убийству и грабежу, укрывательство оружия, посредством которого совершены убийства, получение заведомо ворованных денег мог бы инкриминировать храму суд. Но богоугодные, оказывается, деяния творил Дзиротё, ибо отличался набожностью и испытывал „гири" – чувство долга по отношению к тому, кому был обязан. Святость же поведения храма сомнению, как известно, не подлежит.

Национальное полицейское управление с весьма неожиданной откровенностью констатирует в документе, посвященном состоянию организованной преступности в стране:

„Возможно, гораздо более, чем какие-либо другие сегменты общества, гангстеры в Японии романтизированы и даже идолизированы. Это достигнуто тем, – продолжают исследователи из полиции, – что гангстерам придан образ робин гудов, которые связаны друг с другом узами преданности и стремятся не только не наносить ущерб невиновным, но и активно помогают им. Создавать такой образ начали еще в эпоху феодализма, – вполне обоснованно указывают полицейские и заканчивают анализ обвинением, которое в их печатном издании звучит особенно убедительно: – Сегодня миф о „добром" преступнике культивируется в сотнях кинофильмов, выходящих каждый год".

Полиция могла бы добавить, что большинство этих фильмов снято на деньги самих якудза.

В угоду умилению грошовой филантропией, иногда случавшейся в разбойной истории якудза, сказания о гангстерах утаивают кровожадность, бесчестность, коварство и, самое главное, соучастие в подавлении властями народного недовольства. Известно,

например, что Тэссю Ямаока, назначенный в 1871 году управляющим двором императора Мэйдзи, частенько прибегал к услугам Дзиротё, когда требовалось усмирить столичную бедноту, поднимавшуюся против полуголодного существования, или крестьян, возмущенных несправедливыми поборами. Тогда-то Дзиротё с особым блаженством „погружал руку-меч в тело врага". Правда, слов „прошу вас умереть" не говорил: столь возвышенным стилем якудза с чернью не объяснялись.

Особенно стараются над приданием ореола добропорядочности вокруг своих деяний сами гангстеры. Сын босса синдиката „Ямагути гуми" Мицуру Таока возмущенно выговаривал журналистам: „Когда вы слышите слово „якудза", то тут же представляете себе американскую мафию, для которой главное – преступления и деньги. Однако неверно сравнивать якудза с мафией. Наши якудза имеют славные традиции и всегда помогали своим согражданам". На одной из пресс-конференций кто-то из руководителей „Ямагути гуми" сказал: „Мы – цветы лотоса в грязном пруду. Ценой жизни мы блюдем кодекс чести". Журналисты не пустили, однако, растроганных слез, во-первых, оскорбившись, видно, за сравнение общества, которому служат, с грязным прудом, и, во-вторых, они не забыли о только что отшумевшем на телеэкранах и на газетных страницах уголовном деле двух якудза – Тадаси Сэкимото, босса „Синко кай", и Исао Кубо, члена этой банды.

Сэкимото застраховал жизнь своей жены Нобуко на 300 миллионов иен и затем договорился с Кубо и шофером банды жену убить, а страховую премию поделить: 240 миллионов иен – Сэкимото, по 30 миллионов иен – Кубо и шоферу. Кубо устроил вечеринку в загородном ресторане. Сэкимото предложил жене съездить в город за ее матерью и пригласить на ужин. Шофер повез Нобуко через дамбу, перегораживавшую озеро, на берегу которого располагался ресторан, и, в соответствии с планом убийства, на большой скорости перелетел на машине через барьер дамбы. Как рассчитывали убийцы, шофер должен был выбраться из тонувшей машины, оставив в ней Нобуко. Но ни шофер, ни Нобуко не спаслись... Босс Сэкимото получил 240 миллионов иен и дополнительно к ним 30 миллионов иен погибшего шофера.

Это уж не цветочки лотоса, а ядовитые ягодки, созревшие на почве, удобренной гангстерским кодексом чести. Бандит Кубо и шофер следовали „гири" – долгу признательности убийце – боссу.

Как верх циничного лицемерия расценила общественность заявление по телевидению самого главаря „Ямагути гуми" Кадзуо Таока. Обращаясь к находившимся в телестудии якудза, Таока с хорошо отрепетированной проникновенностью произнес: „Сделайте все, чтобы искоренить в себе ненависть. Демонстрируйте респектабельность поступков и чистоту помыслов. И всегда улыбайтесь и будьте почтительными". Казалось, гангстеры немедля примутся врачевать физические и моральные недуги грешного че-

ловечества. Но этого не случилось, так как ведущий телепрограммы неожиданно нарушил храмово-елейную атмосферу в студии. Когда Таока сказал, что прожил жизнь, неизменно отдавая дань признательности за услуги, за одолжения, за помощь и участие, то есть руководствовался принципом „гири", ведущий спросил: „Можно ли истолковать это выражение, как „рука руку моет"?" Кадзуо Таока с поистине обезоруживающей непосредственностью ответил: „Вы дали очень яркое объяснение. Мне нравится ваша интерпретация".

Герой своего общества

В самой бедной семье самой бедной деревни в самой бедной префектуре Токусима, что на самом бедном острове Сикоку, 27 марта 1913 года родился мальчик Кадзуо. Отец не дождался появления сына на свет. Когда Кадзуо исполнилось три года, мать Нака повела его на кладбище и у маленького надгробного камня сказала: „Попросим небо, чтобы хоть там отцу было покойно".

Взрослым, вызывая в памяти образ матери, Кадзуо видел ее или согбенной в поле, куда он пробирался тайком, потому что помещик ругался: „Тебе бы, Нака, все лодыря с ребенком гонять!", или неестественно прямой в окружении врача, никогда доселе в доме не появлявшегося, и соседей, которые неловко облачали неподвижное тело матери в единственное ее кимоно.

„Похороны матери запомнились мне прежде всего тем, что на них я впервые за шесть лет после рождения съел куриное яйцо и выпил молока, – написал Кадзуо Таока в своей книжке „Ямагути гуми". Автобиография третьего босса". – И еще врезался в сознание спор между двумя сестрами и братом, кому заботиться обо мне. У сестер – собственные семьи, брат жил у хозяев в городе, и для всех я был непосильной обузой".

Жизнь Кадзуо Таоки пошла бы, наверное, по иному руслу, если бы брат матери, портовый грузчик из города Кобэ, спьяну не сболтнул на поминках: „Мальчишка поедет со мной!"

Голод у чужих тяжелее голода дома. Эту истину Таока узнал в семье дяди, которая ненавидела и презирала Таоку. Нет горше унижения, чем быть бедным, – реальность, открывшаяся Таоке в школе. Сколько ни трудись, богатым не станешь, убедился Таока, когда с четырех часов утра и до начала занятий в школе разносил по домам газеты. Правда неизменно на стороне тех, кто наверху, тот, кто внизу, всегда виновен, вынес Таока из недолгого пребывания в цехе судостроительного завода „Кавасаки", откуда был изгнан за строптивость. И наконец, в „гондзо бэя", ночлежке, принадлежавшей маленькой тогда банде „Ямагути гуми" и служившей пристанищем портовым грузчикам, которых поденно нанимала банда, Таока постиг главную для себя заповедь: в обществе, в котором он живет, только сила и жестокость способны

принести деньги, а вместе с ними – власть, независимость и счастье.

1930 год. Экономический кризис, начавшись в США, подмял Японию, словно асфальтовый каток. На треть упало промышленное производство, почти наполовину снизился внешнеторговый оборот, 3 млн. человек лишились работы. Чтобы второй каток – на сей раз забастовочной борьбы и крестьянских волнений – не раздавил окончательно социальную систему, правительство решило вдохнуть пар в котел экономики, усилив подготовку к войне, и выпустить пар из котла народного гнева, поощрив распространение зрелищ, которые, по расчетам правительства, должны были восполнить недостаток хлеба.

В Кобэ якудза открыли несколько сот игорных притонов. Во владении гангстеров оказались все новые кинозалы. В них пошли звуковые фильмы. Якудза выгнали из баров прежних хозяев и впустили туда экзотический американский джаз. Число публичных домов превысило число кинотеатров. Публичными домами управляли гангстеры. Но самое главное – найм грузчиков и строительных рабочих тоже превратился в безраздельную монополию якудза.

Сокрушая соперников, городом постепенно овладевала банда „Ямагути гуми". „Сердце мое замирало в восхищении и страхе, когда я видел на улице Нобору Ямагути – босса „Ямагути гуми", – написал Таока в „Автобиографии". – Босс был сама сила, сама уверенность в себе, он был само воплощение власти над людьми, чего я так исступленно жаждал". Жизнь в ночлежке подсказала Таоке, как обратить на себя внимание босса. Таока устроил шумный дебош во владениях самого Нобору Ямагути, и тот пришел, чтобы лично проучить „кусубори" – уличного хулигана. Но не тронул его.

– Это тебе дали прозвище Медведь? – спросил он, внимательно оглядывая, как бы прицениваясь, костистую, жилистую фигуру Таоки. Такую кличку Таока получил после того, как в драке выдавил пальцами глаза у противника.

– Я – Медведь, – ответил Таока, и, видно, столь неподдельные восторг и мольба сквозили в его взгляде, что Нобору Ямагути, обернувшись к стоявшему позади якудза, коротко проронил:

– Возьми пацана. Толк выйдет.

Быть „сансита" в доме гангстера оказалось ничуть не легче, чем находиться в семье дяди на положении ненавидимого всеми нахлебника. „Сансита" – низший разряд в табели о рангах у якудза. Подъем в пять утра. Уборка дома, тщательная, но бесшумная, потому что босс спит или после карт в игорном доме, или после пьяной оргии. Затем – бегом за покупками. Целый день – работа по дому, кто что прикажет, а приказывать могут все члены семьи якудза. Вечером – охрана босса. Холод ли, дождь, Таока – босиком, дешевое кимоно на голом теле. Глубокие трещины на руках,

сбитые ноги, воспаленные от недосыпания глаза – обычный вид „сансита".

Мало беспрекословно слушаться босса, его жены, детей. Так „дэката" – следующую ступеньку гангстерской иерархии – не займешь. Надо угадывать желания хозяев, распознавать их настроение и вести себя в соответствии с ним. Не говорить лишнего. Не спрашивать о том, что знать не обязательно. Болтливость и любопытство гангстеры жестоко карают. Без напоминания и быстро следует схватывать карточные хитрости босса, сидя за его спиной в игорном притоне, перенимать манеру хозяина вести дела в порту и на стройке, изучать повадки хозяина, его мастерство владения мечом и ножом и, самое главное, проникаться жестокостью. Но здесь Таока был уже далеко не новичок; короткий и резкий удар пальцами в глаза – излюбленный прием Таоки – испытали на себе многие „баракэцу", портовая шпана.

Тяжесть обязанностей „сансита" окупалась, однако, сытостью, добротной крышей над головой, надежной защитой от внешнего недоброго мира и опасливым уважением, которое окружает в этом мире даже самого мелкого якудза. Годы спустя полиция, на основе длительного изучения истории, нравов и быта преступного подполья, придет к убийственному для буржуазного строя выводу: „Можно утверждать, что главная причина, побуждающая оставаться в преступном подполье, – удовлетворение существованием, которого не в состоянии дать нормальное общество". Надо полагать, полицейские аналитики приняли во внимание и опыт Кадзуо Таоки тоже.

В том же полицейском исследовании указано, что половина всех якудза, вступивших в банды до 1959 года, прошли в течение трех лет суровую школу „сансита". У остальных моральная и профессиональная подготовка была короче. Ее результаты отразились в такой статистике: две трети якудза считают, что для получения больших денег годятся любые способы, 75 процентов гангстеров не останавливаются перед преступлением ради интересов банды. Когда у известного криминолога Канэхиро Хосино поинтересовались, почему, судя по этим цифрам, гангстерское воспитание оказывается более эффективным, чем школьное, криминолог нанес, хотел он того или нет, еще один удар по буржуазному обществу. „Сансита" не сталкиваются с лицемерием", – сказал ученый.

Лето 1934 года. В порту Кобэ неспокойно. Поденные грузчики, которыми распоряжалась „Ямагути гуми", помалкивали, понимая, что стоит хотя бы чуть-чуть возвысить голос недовольства низкой оплатой или тяжелыми условиями труда, как расплата наступит сразу же: нож в бок или удар кастетом по затылку. Однако портовики, объединенные в профсоюз, отказались сносить произвол и пригрозили транспортным и портовым фирмам забастовкой. Фирмы бросились за помощью к „Ямагути гуми", мрачная слава которой широко к тому времени распространилась в городе. Помимо порта банда контролировала городской оптовый рынок, увеселительный район со всеми театрами, кино и злачными места-

ми, организацию соревнований по национальной борьбе „сумо", выступления эстрадных певцов и другие стороны общественной жизни Кобэ.

Карательный отряд был тут же отряжен. Таока вызвался идти первым. Нож он спрятал под мышкой. Надел кимоно, туго затянулся широким поясом. Профсоюз располагался в подвальном этаже пароходной фирмы: у входа висел красный флаг и охрану несли двое молодых докеров с красными повязками – „хатимаки" – вокруг головы – знак решимости бороться. Ничем не выдавая себя, Таока с сообщником прошли мимо юношей – множество людей то входили, то выходили из дверей. В комнате рядом с профсоюзным знаменем Таока увидел человека, который показался ему руководителем, и он с размаха ударил его ножом. Человек вскрикнул. Упал. Кто-то попытался схватить Таоку за руку, но якудза вырвался и, не разбирая лиц, принялся колоть ножом всех подряд. „Хватит! Бежим!" – крикнул сообщник и кинулся к выходу. Таока – за ним. Долго оставаться в помещении профсоюза было опасно: карательный отряд подумал бы, что авангард попал в переделку, и тогда развернулось бы кровавое побоище, в успешном исходе которого для банды босс не был полностью уверен.

Некоторое время „Ямагути гуми" прятала Таоку, снабжая, как водится в таких случаях, деньгами, пищей, одеждой. Когда Нобору Ямагути достиг соглашения с полицией, Таока покинул конспиративное убежище и сдался властям: ему засчитывалась явка с повинной, а полиция получала возможность закончить дело и повысить статистику раскрываемости преступлений. В качестве жеста признательности за это она отказывалась от преследования всей банды. Прием старый, как мир якудза. Им пользовался еще Дзиротё и, к удовольствию полиции, пользуется японское гангстерское подполье до сих пор.

„Ямагути гуми" наняла дорогого адвоката. Но ему не потребовалось много времени и большого красноречия, чтобы доказать благорасположенным к Таоке судьям: произошла тривиальная уличная ссора, а не попытка насилием помешать осуществлению членами профсоюза их конституционных прав. И посему подзащитный Таока, чьим душевным качествам дают лестную оценку столь уважаемые в городе люди, как руководители „Ямагути гуми", заслуживает снисхождения. Суд с готовностью согласился с доводами адвоката и определил минимальное наказание: год тюрьмы.

Тюремное заключение, скрашенное ежедневными богатыми передачами с воли, пролетело незаметно, и в октябре 1935 года Нобору Ямагути и с ним весь „генералитет" банды торжественно приветствовали Таоку у ворот тюрьмы. Нобору Ямагути поздравил Таоку с присвоением чина, именуемого „сынок". Между Таокой и вершиной гангстерской пирамиды оставалась теперь лишь одна ступень – чин „брата".

В „Ямагути гуми" Таока возглавил эстрадный бизнес. Мало того, что якудза владели почти всеми залами в Кобэ и ни один

концерт не мог состояться, если артист не выплачивал „Ямагути гуми" дань. Не могли распоряжаться собой и сами артисты. Предложение выступить в концерте, организуемом бандой, воспринималось как приказ. В случае отказа строптивец рисковал, в лучшем случае, потерей возможности появиться когда-либо в Кобэ, а в худшем – увечьем или даже смертью. Эстрада приносила „Ямагути гуми" изрядные доходы, и путь Таоки к чину „брата" быстро сокращался. Но инстинкт зверя не заснул в Таоке за время первой отсидки в тюрьме. В ссоре он зарубил мечом своего же, якудза, и отправился за решетку на восемь лет.

Таока вышел на свободу незадолго до капитуляции Японии. Двадцать якудза встретили его у тюрьмы – все, что осталось от „Ямагути гуми". Босс Нобору Ямагути умер от ножевых ран. „Братья" постарели и сникли. Почти все „сынки" воевали в императорской армии. В порту распоряжались солдаты да жандармы. Кинотеатры, концертные залы, игорные дома сгорели от бомб – американская авиация нанесла по Кобэ почти сотню воздушных ударов.

Бомбардировки сделали бездомными 530 тысяч жителей города. В развалинах они искали хотя бы подобие кровли, чтобы укрыть от непогоды детей и самим приклонить голову. Искал и Таока. Освободившись от конвоя солдатского, Таока не встал, однако, под конвой собственной совести. Он отобрал у многодетной семьи крышу, которую пощадила бомба, устроил под ней игорный притон. За карточной игрой и застал Таоку императорский приказ о капитуляции.

За время захватнических войн японские колонизаторы ввезли в страну из порабощенной Кореи и из оккупированных районов Китая 2 миллиона невольников. Особенно много было их в промышленном Кобэ. Освобождение из концлагерей не принесло этим людям свободы от лишений и нищеты. Оставленные американской оккупационной армией в неприкосновенности полиция и городские власти продолжали относиться к выходцам из Кореи и Китая как к низшим существам, фактически обрекая их на голодную смерть. Но долгое рабство не сломило воли корейцев и китайцев к сопротивлению.

В феврале 1946 года был убит полицейский начальник одного из районов Кобэ, в апреле – высший чин полиции другого района. Затем восставшие корейцы и китайцы захватили полицейский участок и открыли двери тюрьмы, где находились вчерашние узники императорских концлагерей. Опасность нависла над городским полицейским управлением. „Японская система пошатнулась, – написал в „Автобиографии" Таока, имея в виду строй угнетения и эксплуатации. – Необходимо было защищать власть, спасать общество, – продолжал далее якудза, понимая, надо полагать, что, погибни эти власть и общество, смерть настигнет и преступный мир. – И, как бывало раньше, полиция обратилась, – не без самодовольства подчеркнул Таока, – за помощью ко мне". Полиция

помнила, разумеется, „геройство" Таоки в борьбе с профсоюзом порта Кобэ.

Чрезвычайный совет, открывшийся в городском муниципалитете, мог бы сделаться прекраснейшей иллюстрацией буржуазной демократии. Мэр Кобэ, начальник городской полиции и гангстер Кадзуо Таока обсуждали, как спасти „японскую систему". Собственно, говорил гангстер, а общественный избранник – мэр – и представитель государства – полицейский – сосредоточенно внимали ему. На страницах гангстерского печатного органа „Ямагути гуми дзихо" лидер банды „Сасаки гуми" Митио Сасаки рассказал позднее о тогдашнем плане Таоки.

„Члены „Ямагути гуми" мужественно, с сознанием огромной ответственности перед обществом день и ночь охраняли полицейское управление от нападения „людей из третьих стран". – Гангстер использовал по отношению к корейцам и китайцам презрительное выражение из лексикона довоенных японских милитаристов. – В случае атаки полицейские были готовы бежать с важными документами, с досье из здания управления через черный ход, – поделился воспоминаниями о диспозиции Таоки якудза. – Члены „Ямагути гуми" изготовились скинуть с крыши управления на нападающих канистры с бензином и забросать их гранатами, а затем с револьверами и мечами выскочить из парадных дверей и довершить разгром противника. Полиция предупредила, что не станет трогать „Ямагути гуми", если убитыми или ранеными окажутся „люди из третьих стран". Семьям погибших якудза она обещала деньги, – без малейшего смущения продолжил гангстер рассказ о сговоре властей с преступным подпольем. – Якудза сделались щитом безопасности родины", – высокопарно закончил гангстер.

„Джапан инкорпорейтед" – так именуют буржуазные историки, экономисты, социологи Японию за единомыслие большого бизнеса с законодательной и исполнительной властью. Есть четвертый участник этого союза – якудза. Союз, истоки которого уходят в императорскую Японию, окончательно выковался после второй мировой войны.

„Осакская война"

– После смерти Нобору Ямагути у нас нет босса. Шла война, и мы мирились с этим.

Такими словами открыл осенью 1946 года самый старый „брат" „Ямагути гуми" сходку членов банды.

– Нам надо решить, – сказал он, – кто возглавит организацию, иначе мы рискуем опоздать.

Все прекрасно поняли, что имел в виду „брат". „Черный рынок" – в руках американцев. Тягаться с ними невозможно. Игорные притоны, стремительно плодившиеся публичные дома, бары, подпольная торговля „хиропоном" – новым наркотическим сред-

ством – прибирали к рукам другие шайки. В Кобэ, где до войны безраздельно властвовала „Ямагути гуми", действовали теперь 75 групп якудза. „Опоздать" значило остаться без доходов.

Возглавить „Ямагути гуми", то есть сделаться третьим по счету ее боссом, должен Кадзуо Таока, сошлись во мнении участники сходки, потому что не находилось среди них никого, кто был бы свирепее и беспринципнее, изворотливее в бизнесе и искушеннее в кровопролитии, чем Медведь – довоенную кличку Таоки и причину ее появления в банде не забыли.

Сравниться с Таокой хитроумием и прозорливостью никто в „Ямагути гуми" в самом деле не мог. „Перед церемонией вступления в наследование верховной власти в организации я составил три принципа жизни и деятельности якудза. Они потом сделались основополагающими для всех, кто входит в наш мир, – написал Таока в книжке „Ямагути гуми". Автобиография третьего босса". – Во-первых, иметь профессию. Во-вторых, получать по заслугам и сполна нести ответственность за ошибку или отступничество. В-третьих, подобно Бандзуйин Тёбэю и Дзиротё из Симидзу, стоять на стороне народа, даже если это потребует выступления против властей".

Законная „крыша" над преступным бизнесом, о чем говорится в первом принципе Таоки, до сих пор спасает якудза от серьезных потерь, поскольку время от времени полиция встает перед необходимостью наносить удары по гангстерскому подполью. Делается это в угоду моральному возмущению обывателя, который в условиях капиталистической действительности лишен легальных возможностей достичь денежного успеха и потому жгуче завидует прибылям якудза. Полиция арестовывает некоторых бандитов, но тех, кто принял облик респектабельных предпринимателей, как правило, не трогает.

Отбивая на сходке благодарственные поклоны „братьям" и „сынкам" за оказанное доверие, Таока видел себя не просто главарем малолюдной шайки, у которой нет денег на аренду приличного ресторана, чтобы отметить обряд коронации нового босса. Ему чудилось главенство над всем миром якудза – от края и до края Японии. Он отдавал себе отчет, что кровью будет полит его путь к верховной власти, и возводил в непреложный принцип, второй по счету в кодексе, принцип железной дисциплины и беспрекословного подчинения. В уже упоминавшемся телеинтервью Таока мог бы следующим образом продолжить мысль ведущего программу: у якудза рука руку не только моет, но и, случается, рука руку рубит, если рука отказывается копаться в особенно густой и зловонной грязи.

Формулируя третий принцип – о защите интересов народа, – Таока лицемерил не ради удовольствия. Членство в „Джапан инкорпорейтед" требовало сладкого „имэджа", образа, чтобы буржуа мог с приятностью скушать отвратительную реальность: в японском обществе заправляют не одни предприниматели и политики,

а и якудза тоже. Что до властей, то обещание Таоки выступать на стороне народа они восприняли в полном согласии с японской поговоркой: „Речь Будды, сердце змеи". Ведь власти сами прикрывают свои антинародные действия пылкими заверениями в преданности интересам народа.

„Когда шагает Юкио Дзидо, и трава увядает со страху". Таоку жестокостью не удивишь, но и он содрогался, когда видел гиганта Дзидо, солдата бывшей императорской армии, про которого говорили, что он одним ударом меча разрубал от головы до ног пленных и съедал их еще теплую печень. В Китае Дзидо, похваляясь силой, руками разрывал детей на части. Так что в „Ямагути гуми" не преувеличивали чрезмерно, сочинив про траву, которая увядает в присутствии Дзидо. Таока назначил его начальником боевого отряда „Ямагути гуми", иначе говоря – предводителем группы убийц. С операции, проведенной головорезами Дзидо, и началось завоевание Таокой Японии.

„Ямагути гуми" припозднилась, и контроль над ипподромами и коммерческими велотреками в Кобэ и в соседних городах захватили другие банды. Боевой отряд Дзидо разворотил кассы тотализаторов и вместе с ними – трибуны. Понадобился не ремонт, потребовалось строительство заново и ипподромов, и велотреков. Теперь „Ямагути гуми" стала единолично взимать дань с муниципалитетов – организаторов скачек и велогонок и официальных хозяев ипподромных и трековых тотализаторов.

Довоенное занятие эстрадным бизнесом не пропало для Таоки даром. К концу 1948 года он овладел крупнейшими залами Кобэ. В них начались концерты „рокёку" – не лишенный сентиментальности Таока любил японское традиционное речитативное пение. Однако он быстро учуял, куда дует ветер эстрадной моды и откуда дует ветер прибыли, и устроил так, что приехавшая на гастроли в Кобэ 11-летняя девочка, с успехом распевавшая на подмостках и по радио „буги-вуги", первый свой визит в городе нанесла в контору „Ямагути гуми".

Маленькая девочка не ведала, конечно, кто такой Таока и что такое „Ямагути гуми", но ее менеджер быстро постиг это, познакомившись с тремя коротко постриженными парнями, у которых в вырезе кимоно на груди виднелась разноцветная татуировка. Поэтому девочка, войдя к Таоке, низко поклонилась и сказала совсем по-взрослому: „Прошу и впредь не оставлять меня без вашей заботы".

Это была Хибари Мисора, чей звездный блеск почти 40 лет не меркнет на капризном небосклоне японской эстрады. Сияние „звезды" оборачивается для „Ямагути гуми" миллионными доходами. Нет, Таока не обирал певицу по-сутенерски грубо. Просто она, как и десяток других японских певцов и артистов, подписала контракт с фирмой „Кобэ гэйнося", президентом которой числился Таока. Он скрупулезно следовал разработанным им самим же принципам жизни и деятельности якудза.

25 июня 1950 года США развязали агрессивную войну в Корее. Япония превратилась в тыловую базу американской армии. Отсюда шла в Корею военная техника, боеприпасы, снаряжение. Сюда прибывали подбитые американские танки, самолеты, корабли, чтобы после ремонта снова отправиться на фронт. Погрузочно-разгрузочные работы в порту Кобэ не останавливались теперь ни днем, ни ночью. „Мое время пришло", – решил Таока.

В порту уже существовала погрузочно-разгрузочная фирма „Коё унъю", служившая „Ямагути гуми" „крышей". Она прятала от посторонних глаз и от ока американской оккупационной администрации, совсем не бдительного, если не сказать – слепого, гангстерские поборы с грузчиков. Но „Коё унъю" была одной из нескольких фирм. Остальные „крыши" прикрывали грабеж грузчиков другими бандами. Пришло время покончить с ними – такое решение принял Таока.

Начал он с захвата одного за другим всех видов портовых работ: трюмных, перевозочных – от судна к берегу на баржах, перегрузочных – с барж на пирс. Скоро 12 фирм – и все с гербом „Ямагути гуми" – заправляли делами в порту. Юкио Дзидо пришлось немало потрудиться. В 1956 году эти фирмы объединились в „Ассоциацию по развитию портовых работ" – Таоке нравились пышные названия. В ассоциации заправляли, естественно, люди из „Ямагути гуми". Таока скромно взял себе пост вице-председателя. Предстояло сделать следующий, самый сложный шаг.

Получать монопольную прибыль на погрузочно-разгрузочных работах означало бить по пальцам очень многих сильных рук. Здесь Юкио Дзидо мог и не управиться. На портовый бизнес опирались столпы японской капиталистической экономики – фирмы „Мицуи", „Сумитомо", „Мицубиси". Однако погрузочно-разгрузочными работами они непосредственно не занимались. Взяв с контракта на погрузку или разгрузку судна 15 процентов, фирмы передавали его субподрядчикам – компаниям помельче. Те в свою очередь собирали 15-процентные сливки и остаток отдавали вторичным субподрядчикам – якудза. Гангстеры поденно нанимали грузчиков на оставшиеся деньги – на оставшиеся после того, как сами забирали свои 15 процентов.

– Воистину, нет чести и совести у большого бизнеса, – сказал Таока. – Нам, труженикам, – Таока не улыбался, поскольку не чувствовал юмора в своих словах, – большой бизнес недодает почти треть причитающихся денег. Наша миссия – покончить с эксплуатацией портовых рабочих. Святой принцип якудза: быть на стороне простого народа – требует этого.

Слушавший Таоку известный профессор, специалист по трудовым отношениям, не сдержался и невежливо фыркнул от смеха. Таока был из тех, кто проглатывает обидчика, но не обиду, однако он прикинулся, что не заметил неучтивости, и сказал о главном, ради чего встретился с профессором:

– Мне нужен профсоюз. Научите, как его организовать.

Преступный мир давался диву и издевательски хихикал над якудза из Кобэ, не всегда грамотно подписывавшими полицейские протоколы, но теперь севшими за парту организованных Таокой курсов по изучению трудового права. Веселье прекратилось, когда 12 профсоюзов, созданных при всех фирмах, что принадлежали „Ямагути гуми", образовали „Объединенный союз портовиков города Кобэ". В него вошли 440 поденных рабочих, запуганных гангстерами. Надо ли говорить, что председателем союза избрали „сынка" из „Ямагути гуми".

Соперники из других банд переполошились, компании-субподрядчики, из чьих рук „Ямагути гуми" получала изрядно надкусанные контракты, пришли в панику, но было поздно: союз выдвинул перед „Мицуи", „Сумитомо" и „Мицубиси" требование, подкрепленное угрозой объявить забастовку: заключать впредь контракты на погрузку и разгрузку судов, минуя субподрядчиков, то есть непосредственно с „Ассоциацией по развитию портовых работ" – той самой, где Таока являлся вице-председателем. „Мицуи", „Сумитомо" и „Мицубиси", оставаясь при своих 15 процентах дохода с контракта, не видели оснований противиться требованию новоявленного профсоюза, а субподрядчики сопротивляться не посмели. На них надавил крупный капитал города Кобэ. Он не захотел, чтобы к тысяче массовых забастовок, состоявшихся в Японии в 1956 году с января и до событий в порту, добавился еще один трудовой конфликт. Даже однодневная забастовка с потерей 440 человеко-дней нанесла бы большому бизнесу значительно больший ущерб, чем исчезновение в порту Кобэ нескольких мелких субподрядных компаний. Кроме того, с образованием послушной гангстерам рабочей организации ряды докеров оказались расколотыми, а позиции прогрессивного Генерального совета профсоюзов Японии ослабли. Главным образом по этой причине городской крупный капитал оказался благосклонным к „Ямагути гуми".

Сохранился образчик прямого контракта между „Мицуи" и фирмой, служившей для „Ямагути гуми" „крышей". За разгрузку судна водоизмещением 10 тысяч тонн „Мицуи", не пошевелив пальцем, заработала 160 тысяч иен. Каждый из 216 рабочих, разгрузивших судно, получил по 2500 иен. А „Ямагути гуми" положила на свой банковский счет 820 тысяч иен.

Уцелевшие после встречи с Дзидо и его отрядом соперничавшие банды конкуренции не выдержали, и порт превратился в вотчину „Ямагути гуми". „Наука, разумеется, не волшебный рог изобилия, но неплохое средство такой рог откупоривать", подвел Таока итог очередному этапу борьбы за богатство и власть. „Я всегда с уважением относился к знаниям, – добавил Таока, чей школьный опыт уступал по продолжительности тюремному. – Уважение возросло, когда я убедился, что и знания могут приносить прибыль".

Разумеется, не проникновение в суть законов о труде с целью

неуклонного их соблюдения имел в виду Таока. Изучение этих законов потребовалось ему, чтобы обойти сами законы и обмануть и запугать рабочих. Подобного рода „знания" приносили и приносят в буржуазном обществе прибыли не одному только Таоке.

В начале 60-х годов ножами, кастетами, пулями Таока изгнал из префектуры Хёго (Кобэ – главный город префектуры) всех якудза, не пожелавших подчиниться „Ямагути гуми" добровольно, и обратил взор к соседней Осаке, второму по величине промышленному центру страны с населением в ту пору 4 миллиона человек. Город был уже поделен между несколькими местными бандами. Сражаться со всеми Таока считал опасным – „Ямагути гуми" могла проиграть. Следовало, рассудил Таока, войти в союз с одними якудза, чтобы сообща уничтожить других. Таока послал в Осаку на разведку Юкио Дзидо.

Народная мудрость не ошибается. Как змея из японской поговорки тотчас выползает на змеиный след, так и Дзидо быстро нашел в Осаке путь к „Янагава гуми", банде, которая захватила северную часть города, застрелив одного и ранив 15 членов шайки, что распоряжалась в этом районе до сих пор. „Янагава гуми" специализировалась на подпольной проституции. Легальную торговлю живым товаром японский парламент запретил в 1957 году.

– Ты мне нравишься, – сказал Дзидо боссу банды Дзиро Янагаве. – Ты хорошо умеешь убивать, – похвалил головорез Янагаву, и тот поклонился, признательный за высокую оценку со стороны признанного мастера в ремесле убийцы. – Выпьем в знак побратимства, – предложил Дзидо. – Такие, как ты, нужны „Ямагути гуми".

Таока одобрил действия Дзидо. „Ямагути гуми" отыскала в Осаке союзника и принялась готовиться к нападению на крупнейшую осакскую банду „Мэйю кай". Она владела огромным увеселительным районом Минами: вымогала деньги у хозяев тамошних баров, ресторанов, турецких бань, кинотеатров, контролировала рынок наркотиков, обирала проституток, владела тайными игорными домами.

„Подобно средневековым самураям, которые, прежде чем вступить в схватку, с поклоном представлялись противнику, я иду во владения соперничающей организации", – объяснял Таока свой метод объявления войны. Позерство Таоки имело двоякое назначение. Он создавал романтический ореол вокруг себя и в то же время провоцировал соперника на выступление первым, чтобы не давать повода для обвинений „Ямагути гуми" в вероломстве.

9 августа 1960 года в ночной клуб „Голубой замок" – пристанище „Мэйю кай" – вошли четверо мужчин. Официант проворно усадил клиентов, положил на низкий столик „осибори" – влажные салфетки, чтобы клиенты могли освежить лицо и руки, и раскрыл блокнотик в ожидании заказа.

– Эй ты! – раздался вдруг пьяный голос. – Ведь ты Батаян? Ну-ка спой нам!

Член „Мэйю кай", пошатываясь, стоял перед четверкой мужчин. Он обращался к одному из них – к Ёсио Табата, популярному в 60-х годах певцу. Батаян – кличка певца. Человек, сидевший рядом с Табата, наклонился к двум другим спутникам и приказал:

– Уберите скотину.

Приказ отдал Кадзуо Таока. Выполнить его должны были телохранители босса. Но Таоку уже узнали. Десяток бандитов из „Мэйю кай" окружили столик. Они осыпали Таоку бранью. Телохранители заслонили собою босса. Он неподвижно сидел в кресле, и только злой огонек в глазах выдавал его гнев. Вдруг кто-то из членов „Мэйю кай" ударом о столик отбил у пивной бутылки дно и острым стеклом нанес удары в лицо телохранителям.

– В Осаке нет места для „Ямагути гуми"! – вопили бандиты.

На улице взвыла сирена – хозяин ночного клуба вызвал полицию. Бандиты из „Мэйю кай" поспешно скрылись через черный ход. Таока прежним спокойным тоном проговорил, обращаясь к побледневшему певцу Табата:

– Извини, друг. Втянул я тебя в историю...

Так началась знаменитая „осакская война", ставшая для Таоки его „Аустерлицем". После нее „Ямагути гуми" заняла ведущее положение в японском преступном подполье, сделалась синдикатом многих гангстерских шаек.

Вечером следующего дня Юкио Дзидо, получив подробные инструкции босса, собрал свой боевой отряд. Он добавил в него якудза из союзной банды – „Янагава гуми". Пятьдесят „боевиков", вооружившись револьверами и ножами, разбились на группы по три-четыре человека. Дзидо подобрал группы таким образом, чтобы в них вошли люди, незнакомые друг другу. В случае ареста одного остальные могли избежать провала. Каждая группа получила для патрулирования участок района Минами. Дзидо приказал выявить укрытия членов „Мэйю кай". Группы держали связь с Дзидо по телефону. Еще 300 человек – войско из состава „Янагава гуми" – Дзидо рассредоточил вокруг района Минами. Пальму первенства в мире гангстерских банд поливают кровью, и Дзидо за длительное знакомство с Таокой научился хорошо делать это.

На восходе солнца 12 августа поиски принесли первый результат: обнаружена конспиративная квартира Кима, руководителя „Мэйю кай". Дзидо по телефону приказал:

– Следить за домом! Ждать подкрепление! До его прибытия Кима не трогать!

Подкрепление прикатило на автомашинах. Сколько человек в квартире Кима, никто не знал. Поэтому на второй этаж, к дверям квартиры, „боевики" поднимались крадучись, стараясь не обнаружить себя до времени. Но Ким был один. Предчувствие беды разбудило его. Он прислушался. Так и есть: на лестничной клетке шепот, легкие шаги. Ким вскочил с постели, придвинул к двери шкаф.

– Ким, открывай! – раздалось за дверью.

– Попробуйте только войдите! – ответил Ким. Он приготовил длинный нож. Выглянул в окно. Внизу – якудза из „Ямагути гуми". Взобравшись на пустые ящики, они подбирались к окну. Ким с силой ударил ногой по первой появившейся в окне голове. И тут же упал, изрешеченный пулями. Стреляли с улицы, через окно, и сзади, через закрытую дверь.

Утреннюю тишину нарушил звук приближавшихся полицейских машин. Когда полицейские вбежали на второй этаж, на лестничной площадке лишь гомонили соседи да из закрытой комнаты Кима доносился предсмертный хрип.

Осакское полицейское управление объявило для своих сотрудников чрезвычайное положение. Сомнений не оставалось – началась крупная гангстерская война. В осакских увеселительных районах удвоили полицейские патрули. Полиция обыскивала автомашины, казавшиеся подозрительными, допрашивала людей, если они чем-нибудь привлекали внимание детективов. Дзидо сменил командный пункт. Полиция засекла телефон, по которому Дзидо командовал „боевиками".

„Мэйю кай" перешла в контрнаступление. В плен взяты два члена „Ямагути гуми". Их долго пытали, били. Чуть живых, до неузнаваемости изуродованных „боевиков" выбросили на ходу из автомашины на людной улице.

Руководители „Мэйю кай" еженощно меняли убежища, но кольцо сжималось. Приблизился день решающей схватки. Дзидо распорядился спрятать все оружие в тайник, а участникам боевого отряда собраться в конторе строительной фирмы, связанной с „Ямагути гуми", для уточнения плана последнего удара. Уничтожение боссов „Мэйю кай" означало конец банды.

Детективы в штатском вели постоянное наблюдение за помещением фирмы. Обеспокоенные необычным оживлением в нем, они вызвали в три часа ночи вооруженный полицейский наряд. Начальник наряда потребовал от якудза очистить помещение и разойтись. Якудза после обыска уходили, переругиваясь с полицейскими. Многие возвращались, снова покидали помещение, опять приходили, задирали полицейских.

В суматохе 15 „боевиков" оторвались от слежки, извлекли из тайника оружие и по одному отправились на исходную позицию для атаки. В шесть часов утра по сигналу Дзидо они ворвались в двухэтажный многоквартирный дом. В нем жили официантки из баров, снимали комнаты проститутки. Гангстеры взламывали двери, разбивали окна, если не поддавались двери. Кричали женщины, в ужасе плакали дети.

– Встать! – якудза сдернул одеяло со спавшего мужчины. На оголенной спине – татуировка. Мужчина сунул было руку под подушку, но в следующее мгновение меч отсек ее по локоть. Другой якудза разрядил в мужчину револьвер.

Удары мечом послышались в квартире рядом. И вслед за ними – вопль, страшный предсмертный вопль. Один. Второй. Потом

два одновременно. Банда „Мэйю кай" перестала существовать.

27 августа остатки банды явились в осакскую гостиницу „Мино канко". Они пришли капитулировать. Сдачу принимали Дзидо, его новый осакский друг Янагава и оба телохранителя Таоки – порезы на лицах, полученные в „Голубом замке", уже поджили. Опустившись на колени, 15 человек расстелили перед собой большие платки, достали ножи и резким движением отсекли себе мизинцы на левой руке. Они завернули отрезанные пальцы в платки и с низким поклоном передали их представителям „Ямагути гуми". Древний гангстерский обряд признания вины и испрошения милости был надлежащим образом исполнен. Представители Таоки приняли 15 свертков. „Осакская война" кончилась.

Нет бога, кроме бизнеса

„В 1981 году рухнули гуманистические цели и снизились социальные нормы в современном обществе". Эти слова Национальное полицейское управление предпослало „Белой книге" – ежегодному отчету о своей деятельности. Итоги деятельности восторга у общественности не вызывали, и полиция, наверное, решила, что будет несправедливо, если ответственность за рост преступности в стране станут нести одни стражи порядка. Отсюда – вполне объективная констатация положения в японском обществе, на которую в иной обстановке полиция, по всей вероятности, не решилась бы.

„Белая книга" 1982 года повествовала уже не столько о деятельности полиции, сколько о ее бессилии справиться с преступностью. Критика со стороны общественности ужесточилась, и раздосадованные полицейские пришли к выводу, что пора наконец внести полную ясность, в чем причина нарастания преступности и в состоянии ли полиция эффективно противостоять ей сейчас и в обозримом будущем.

„Положение в мире останется неустойчивым и в предстоящем периоде, поскольку сохранятся взрывоопасные факторы", – пророчествовала „Белая книга" на 1982 год. Среди факторов, вызывающих неустойчивость, в том числе в Японии, полиция назвала международную напряженность, застой в капиталистической экономике, социальный накал, который порожден инфляцией, скачкой цен, безработицей. „И в результате, – резюмировала „Белая книга", – из-за общего падения морали и усиления вследствие этого склонности населения к наркомании, азартным играм, алкоголизму, порнографии увеличится преступность, прежде всего в среде несовершеннолетних, расширится организованное преступное подполье и прибавится число гангстеров".

В 1981 году количество нарушений уголовного кодекса составило, если верить полиции, 1,4 миллиона случаев. За первую половину 1982 года японцы совершили 726 638 противоправных поступ-

ков, на 5,3 процента больше, чем за аналогичный период предыдущего года. Надо отметить, что полиция не включила в статистику должностные преступления, например пренебрежение служебными обязанностями, повлекшее за собой увечье или смерть людей.

Нарисованная полицией картина не такая уж кошмарная, если сравнить с США: за то время, что в Токио совершаются три убийства, в Нью-Йорке их происходит около пятисот пятидесяти. Однако общественность ставит под сомнение и полицейские подсчеты. В 1978 году аспирант юридического факультета Токийского университета Акира Исии вызвал сенсацию, сообщив на ежегодной конференции Японского общества криминальной социологии, что число преступлений, совершенных, скажем, в Токио, в 34 раза превышает данные, которые содержатся в полицейской статистике. Особенно разительное расхождение аспирант обнаружил в цифрах за 1977 год. 164 тысячи преступлений зарегистрировала токийская полиция. 6 миллионов 130 тысяч преступлений было совершено на самом деле. Свыше 60 процентов отступлений от законов, причем наиболее серьезных, приходится, по утверждению аспиранта, на гангстеров. Судя же по данным полиции, гангстеры вели себя в Токио скромнее бойскаутов.

Одна ложь родит, как известно, другую. Полицейская „Белая книга" за 1982 год уверяла, что в японском преступном подполье насчитывалось 2452 банды со 103 263 якудза. Беседуя с Кадзуо Таокой, американская журналистка Флоренс Роум спросила: „Говорят, в Японии сто тысяч якудза. Так ли это?" Таока ухмыльнулся и сказал: „Напишите в своем репортаже „миллион". Не ошибетесь".

Якудза не ведут собственной статистики, а если и имеют ее, то, разумеется, не афишируют. Поэтому приходится исходить из полицейских цифр, согласно которым в „Ямагути гуми" входят 12 процентов наличного состава японских якудза. Вслед за „Ямагути гуми" шли синдикаты „Сумиёси рэнго" – 104 банды с 6740 гангстерами, „Инагава кай" – 107 банд и 4670 членов. Всего примерно 40 крупных и мелких гангстерских объединений. Смерть Таоки и последовавший раскол „Ямагути гуми" внесли изменения в гангстерский табель о рангах, но общий итог полицейских выкладок остался прежним.

О том, что большая империя, как и большой пирог, легче всего объедается с краев, Таока узнал не из исторических хроник. Незначительная банда „Ямагути гуми" превратилась в громадную гангстерскую империю не в последнюю очередь благодаря тому, что заглотнула периферийные куски „Инагава кай" и „Сумиёси рэнго" – двух других гангстерских королевств. Чтобы соперники не взялись за очередной передел Японии, Таока начал проводить с 1965 года политику сосуществования с другими синдикатами якудза, продолжая по-прежнему жестоко и вероломно поглощать и уничтожать слабые банды. Сосуществование же синдикатов помогало сосредоточиваться на главном: нелегальном и легальном

бизнесе и противостоять полиции в тех не слишком частых случаях, когда стражи закона, дабы продемонстрировать, что огромные ассигнования на их содержание не напрасны, принимались отлавливать часть гангстеров. В октябре 1972 года Кадзуо Таока и Хидзинари Инагава подняли тост за дружбу „Ямагути гуми" и „Инагава кай".

Условия незаконного бизнеса – контрабанда и торговля наркотиками, проституция – не позволяли, разумеется, осуществить кооперирование гангстерских синдикатов. Но найм портовых грузчиков и строительных рабочих, внешне законоугодные предприятия, картелизации поддавались. Таока опять проявил инициативу и по образу и подобию действовавшей в Кобэ „Ассоциации по развитию портовых работ" создал теперь уже „Всеяпонское общество по развитию погрузочно-разгрузочных работ в портах", поскольку по всей Японии эти работы контролировались гангстерами. Теперь якудза грабили рабочих по единым монопольно высоким нормам. Преступный мир, сравнявшийся по величине активов с некоторыми отраслями японского хозяйства, жил по тем же правилам, что и общество, к которому он принадлежал.

А раз так, то нужно ли удивляться, что прагматизм, способный принести хоть какую-то выгоду, одержал верх над лицемерием и парламент впустил преступное подполье в лоно добропорядочного общества, обложив гангстерские синдикаты и банды налогами. Например, гангстеру, „заработавшему" 45 миллионов иен в результате подделки страхового полиса, надлежало уплатить налог в сумме 18 миллионов иен. Другой якудза обязан был внести в госбюджет 3,8 миллиона иен – таков был налог с продажи наркотиков на 18 миллионов иен. Это рассказали мне в полицейском управлении города Нагои.

– Но, явившись платить 3,8 миллиона иен, якудза, очевидно, рисковал попасть под арест за торговлю наркотиками, – предположил я.

– Не рисковал. – Полицейский развел руками. – Мы должны взять гангстера на месте преступления, – объяснил полицейский. – Косвенных сведений о сделках с наркотиками недостаточно для ареста. Однако, если якудза честный человек, – продолжил полицейский, не чувствуя анекдотичности изображаемой им ситуации, – он непременно рассчитался бы с государством.

Святость бизнеса – а гангстер и государство вступали в данном случае в деловые отношения – не вызывала в сознании полицейского сомнения.

– Совершив одно преступление, разве якудза остановится перед тем, чтобы совершить другое? Станет ли якудза исправно платить налоги? – не унимался я.

– В таком случае, когда мы гангстера поймаем, он будет отвечать и за торговлю наркотиками, и за уклонение от уплаты налогов, – сказал полицейский и добавил: – Ведь карается же по

японским законам бизнесмен за получение взятки и за то, что не заплатил с нее налоги.

Для полицейского не было никакой разницы между теми, кто сделался символом душегубства и растленности, и теми, чьи имена горят рекламным неоном во всех столицах капиталистического мира. В голове полицейского гангстеры и предприниматели соединились в одном божестве – бизнесе. И отделить легальную его часть от нелегальной полицейский не смог бы, даже если б захотел.

Налоговое управление с самого начала не обманывалось насчет возможностей инспекторов, проверяющих декларации о доходах. Якудза – способные ученики „дзайкай", как именуют в Японии деловой мир. Они из года в год утаивают от казны, по мнению полиции, девять десятых своих барышей. Барыши перевалили за 1 триллион иен. Японские государственные инвестиции за рубежом составляют гораздо меньшую сумму.

Одна из причин выживаемости японских монополистических объединений в условиях даже самых тяжелых спадов производства заключается в их многоотраслевом характере. Падает спрос, скажем, на бытовую теле- и радиотехнику – электронный концерн переключается на индустрию отдыха – возведение парков с аттракционами, отелей в курортных местах, организацию туризма и таким образом сохраняет прибыли. Плохо пошла продажа спортивного инвентаря, фирма спорттоваров принимается за строительство спортивных сооружений и проведение спортивных соревнований и не проигрывает схватку с конкурентами. Гангстерские синдикаты, налаживавшие свой бизнес по образу и подобию старших братьев – монополистических корпораций, тоже диверсифицировали источники дохода.

Около трех тонн наркотиков продавали ежегодно гангстеры в Японии, судя по данным полиции, относящимся к 1980 году. „Белая смерть" приносила 458 миллиардов иен, или 44 процента всей выручки. У якудза были все основания окрестить наркотики „белым бриллиантом".

Тайные тотализаторы на скачках, на велосипедных и лодочных гонках, на чемпионатах по национальной борьбе „сумо" и на матчах по транснациональной борьбе „кетч" давали преступному подполью дополнительные 176 миллиардов иен, то есть 17 процентов дохода.

Подпольные игорные дома, где за ночь из рук в руки переходили нередко суммы, равные заработной плате рабочего за 800–1000 лет непрерывного труда, залы игральных автоматов, казино позволяли якудза добывать 70 миллиардов иен в год. Торговля порнографией, проституция – источник ежегодных 67 миллиардов иен дохода. Еще столько же приносили гангстерам вымогательство и шантаж. Это – подводная часть айсберга.

Надводная часть бизнеса обеспечивала „крышу" и, кроме того, доход в сумме 132 миллиарда иен. Эта сумма находится почти в той же пропорции к общим барышам гангстерских синдикатов,

в какой видимая доля айсберга относится к невидимой. Легальный бизнес мафии представляли 27 тысяч предприятий – промышленных, торговых, финансовых.

Было бы наивно считать, что, освященные государственными лицензиями, эти 27 тысяч предприятий неукоснительно блюли этические нормы. В чащобах легального предпринимательства, столь же мрачных, как и нелегального, они попросту не могли бы выжить, если б не придерживались канонов, метко прозванных, особенно применительно к данной ситуации, законами джунглей. Подделка товаров всемирно прославленных фирм, чья продукция пользуется повышенным спросом, – один из способов, с помощью которых существует легальный бизнес. Естественно, якудза взяли на вооружение и этот метод.

Синити Мидзохара, президент торговой фирмы „Ройял Джапан", которая действовала под крылышком „Ямагути гуми", в течение шести лет делал в подпольной мастерской „швейцарские" ручные часы „Картье" и от имени своей фирмы поставлял их магазинам, выдавая за импортируемые из-за границы. Через Мицуру Таока, сына босса „Ямагути гуми", Мидзохара получал из Швейцарии самые дешевые часы стоимостью 10 тысяч иен, но внешне очень похожие на знаменитые „Картье". В Японии под прессом, купленным специально для этой цели, на циферблате часов выдавливались торговая марка и название швейцарской фирмы. Издержки производства составляли 2 тысячи иен за штуку. Продавала же фирма „Ройял Джапан" часы в розничную сеть по цене от 200 тысяч до 600 тысяч иен в зависимости от модели, то есть ничуть не дешевле, чем подлинные „Картье". Нетрудно подсчитать прибыль якудза, если они сбыли 50 тысяч поддельных часов.

Одна из японских буржуазных газет разразилась негодованием в адрес жуликов. Мидзохара не без едкости парировал: „Столько шума из-за каких-то часов. Пусть редактор газеты побережет на голове волосы – они ему пригодятся, когда надо будет рвать их от возмущения по поводу кражи японскими концернами патентов и идей у американских и западноевропейских конкурентов. Фирма „Хитати", – привел конкретный пример бизнесмен, – уже попалась". Мидзохара имел в виду попытку электронного концерна „Хитати" украсть в США технологию современнейшей электронно-вычислительной машины.

У гангстерского бизнеса случались свои кризисы. И тут якудза неизменно выручал из беды многоотраслевой характер производства. Когда мировой торговый флот перешел на контейнерные перевозки, гангстеры сравнительно легко пережили резкое уменьшение выручки от традиционного своего занятия. Закон, принятый в 1982 году, затруднил вымогательство денег у корпораций, и опять гангстеры не впали в уныние. По оценкам полицейских экспертов, темпы роста доходов преступного подполья до сих пор не обнаруживают тенденции к снижению.

Первая тройка среди гангстерских синдикатов – это „Ямагути

гуми" с годовым барышом в 102 миллиарда иен, „Сумиёси рэнго" – 61 миллиард иен и „Инагава кай" – 44 миллиарда иен. В том году, когда полиция произвела подсчет, синдикат „Ямагути гуми" мог претендовать на место в списке 20 японских монополистических объединений – призеров в гонке за наживой.

К концу своей жизни Таока сам уже не ходил на конспиративные встречи с „лоцманами" – розничными торговцами, чтобы сбыть им очередную партию героина или марихуаны. Он не вывозил из Южной Кореи и с Филиппин в Японию девушек, чтобы превратить их в проституток. Таока давно уже не стрелял во врагов и тем более не выдавливал им глаза. Он восседал на вершине гангстерской пирамиды беззакония и порока и был занят изысканием непротоденных путей обхода уголовного кодекса и новых способов прибыльного попрания людской морали. Он вершил суд и расправу над провинившимися членами „Ямагути гуми" и расправу без суда над соперниками синдиката. Ему, Таоке, подобно средневековому самодержцу, текли неправедно нажитые синдикатом деньги. 60 миллионов иен в год – таковы были доходы Таоки на склоне его дней.

Разговаривая однажды с журналистами, Таока без тени юмора сказал: „Своим богатством я целиком обязан жене. Она очень бережлива и буквально по иене собрала мое состояние, экономя на питании семьи и содержании дома". Журналисты тут же подсчитали, что если бы бережливая жена гангстера действительно опускала в копилку по монетке достоинством в одну иену, то такая копилка должна была бы весить к исходу каждого года более 72 тысяч килограммов.

По 20–30 миллионов иен имели в год гангстеры, стоявшие на одну ступеньку ниже босса. Под их началом находились отдельные княжества преступной империи. Затем следовали лидеры входивших в княжества банд. Они „зарабатывали" в год до 10 миллионов иен. И, наконец, рядовые члены синдиката с трехмиллионным годовым прибытком, что ненамного превышало среднюю в Японии заработную плату. Эти-то якудза и были исполнителями всего того, что задумывал изощренный в злодействе ум Таоки.

Они совершали преступления, садились за них в тюрьму, гибли от ножа или пули. Они управляли 540 лавками, 313 турецкими банями и театрами стриптиза, 233 строительными фирмами – легальными предприятиями „Ямагути гуми". Они же несли на своих плечах всю паразитическую пирамиду синдиката, платя оброк – в среднем 600 тысяч иен в месяц каждый. До подобных поборов не доходили, вероятно, и средневековые самодержцы. 600-тысячный оброк в два с половиной раза превышал ту сумму, какую рядовые гангстеры могли оставить себе. С оброка и кормились все малые и большие, вплоть до вершины пирамиды, боссы „Ямагути гуми".

В Осаке, во владениях „Ямагути гуми", мне удалось поговорить с одним из бывших гангстеров – Такео Икэдой. Икэда был из тех, кто находился в самом низу пирамиды. Вот что я услышал.

– Приняли меня в банду со всей положенной ритуальностью. Босс пригубил чашечку сакэ и передал мне. Я выпил до дна и сделался полноправным якудза. Отрезвление от ритуального сакэ, однако, произошло, – сказал Икэда. – Власть над честными людьми, запуганными шантажом, угрозами и террором, – продолжал бывший гангстер, – какое-то время не дает исчезнуть иллюзии, что ты сверхчеловек, но рано или поздно приходит понимание: банда с царящим в ней угнетением ничем не отличается от окружающего мира. Только усугубляется это угнетение феодальными пережитками, из которых и состоит мораль якудза. Подавляющее большинство членов банд обречено на черную, нет, – поправился Икэда, – на кровавую работу. Деньги идут боссу. – Я вспомнил о копилке жены Кадзуо Таоки с сэкономленными иеновыми монетками. – Мир якудза, – подытожил Икэда, – оказался миром такой же эксплуатации, как и буржуазное общество.

Прожившие тысячу лет

По лестнице, такой узкой, что плечо касалось стены, я спустился в подвал, откуда неслась музыка. „Бар, в котором собираются кандидаты в убийцы или в самоубийцы", – не без горькой иронии рекомендовал мне это место в токийском районе Синдзюку знакомый японский журналист. Довольно просторный зал освещен фиолетовым светом, собственно, даже не зал, скорее лабиринт с грязно-серыми каменными перегородками, доходившими до пояса. В тупичках за низкими столиками мог поместиться только один человек. Присаживаясь к столику, человек исчезал за перегородкой и оказывался таким образом изолированным от окружающих. Если посетитель вдруг и захотел бы переброситься словом с соседом за перегородкой, сделать это он не мог: музыка из огромных динамиков гремела так, что голосов расслышать было нельзя. С официантом объяснялись жестами, благо подавали в баре только пиво.

Посетители – юноши и девушки лет шестнадцати-семнадцати – сидели каждый в своем тупичке. Одни, прикрыв глаза, раскачивались в такт музыке, другие, вперив неподвижный взгляд в стену, словно застыли. Свободных тупичков не было, и я остановился у дверей. Рядом, у входа, заметил парня. Смежив глаза, он под музыку переступал с ноги на ногу. Я пришел в бар, чтобы познакомиться с его завсегдатаями, поэтому, желая привлечь внимание парня, коснулся его плеча.

– Поздно, не пора ли тебе домой? – спросил я. Спросил, чтобы как-то начать разговор.

Парень медленно покачал головой:

– Нет...

– Учишься?

— Нет.
— Почему?
— Бросил.
— А родители у тебя есть?
— Есть.
— Почему ж не идешь домой?
— А я ушел от них.
— Ну, и что теперь думаешь делать?
— Ничего, — пожал плечами парень.
Разговора не получалось. Я сказал:
— Тебе, наверное, просто скучно?
— Нет.
— Нравится здешняя музыка?
— Нет.
— Ты говоришь, учился? А чему?
— Праву.
— В университете?
— Да.
— А почему бросил?
— Неинтересно.
— Ну-у? Не может быть, чтоб юридические науки были неинтересными, — высказал я сомнение.
— Право, — хмуро процедил парень, — выдумка, ложь. — Он уже проявлял нетерпение, хотел скорее попасть в зал.
— На какие же деньги собираешься пить здесь пиво?
— Заработал. Разгружал ящики в магазине.
— Ну ящики. А дальше как собираешься жить? — допытывался я.
— Не знаю...
— Как тебя зовут?
— Юдзиро Кавагоэ.
— Чего тебе надо?
— Ничего.
Юдзиро Кавагоэ лгал, когда говорил, что ему ничего не надо. Ему хотелось тепла и понимания окружающих, удовлетворения от учебы и работы, независимости, которую в его обществе обеспечивает только богатство. Я уверенно говорю это потому, что знаком с итогами обследования, проведенного среди студентов высших учебных заведений. Именно в таком порядке, как сказано выше, перечислялись их желания, скажем точнее — неудовлетворенные желания.
„Сколько бы молодые люди — выходцы из среднего слоя — ни пытались сделать карьеру, добиться признания заслуг, достичь богатства, — написал журнал „Асахи гурафу", — им все равно не угнаться за морганами и рокфеллерами. И они обращаются, — журнал верно обрисовал путь таких, как Юдзиро Кавагоэ, — или к средствам пассивного протеста: отрицают все авторитеты этой системы, опускаются до положения нищих или, наоборот, проникаются

страстью крушить систему. И тут им открывают объятия якудза".

Полиция попыталась выяснить, что влечет молодежь в преступный мир. С этой целью был проведен опрос среди 615 якудза моложе 25 лет. Они сидели в тюрьмах или находились под следствием.

„Гангстеры выглядят хладнокровными, уверенными в себе" – первая причина, указанная молодыми преступниками. „Гангстеры – сильные люди и могут благодаря силе многого добиться" – другой ответ опрошенных. Приобщи суд результаты опроса к уголовным делам этих якудза, он вполне мог бы вынести частное определение в адрес телевидения, кинематографа, книжных издательств. Именно они создали притягательный для юношества облик гангстера.

Бар, в котором я познакомился с Юдзиро Кавагоэ, располагался в самом центре района Синдзюку, там, где сплошь – кинотеатры. С рекламных щитов, с видеоэкранов, выставленных у входа в кинотеатры, палили из револьверов и автоматов, бросали гранаты, запускали боевые ракеты, рубили мечами, душили, резали люди в шикарных кимоно и черных очках, в костюмах из всемирно прославленных парижских домов моделей и черных очках, полуголые, с разноцветной татуировкой от шеи и до пят и, разумеется, в черных очках. И делали это неизменно хладнокровно, с уверенностью в своей правоте и силе.

„В мире якудза господствует атмосфера верности слову, и там с радостью и доброжелательством встречают таких, как мы", – ответили на опросную анкету гангстеры из числа бывших „босодзоку".

Название „босодзоку" – „племя диких скоростей" – сразу же прилипло к моторизованным шайкам юнцов, которые, облачившись в кожаные штаны и кожаные куртки, напялив на голову солдатские каски со свастикой, на огромной скорости носились по городским улицам, громя магазины и лавки и нападая с велосипедными цепями и стальными трубами на прохожих. К 1980 году полиция зарегистрировала в Японии 38952 „босодзоку", объединенных в 754 группы. 80 процентов из них были несовершеннолетними.

– Почему вы собираетесь вместе? Ведь на мотоцикле можно кататься в одиночку или, скажем, вдвоем? – спросил я Сёдзи Нисияма, члена группы „Мусасаби" – „Летающие белки". Я встретился с „босодзоку" в токийском портовом районе Харуми в ночь с субботы на воскресенье. „Босодзоку" не любят журналистов и, случалось, разбивали телекамеры, наносили побои репортерам. Но со мной, иностранцем, „босодзоку" не отказались поговорить.

– Трудно объяснить почему, – ответил Нисияма, – но приятнее ездить компанией. Может, оттого, что на работе, или в университете, или просто в уличной толпе нам все кажутся чужими. Или чужими кажемся мы. А в „Мусасаби" мы друг другу свои.

– Считается, что наше общество демократично, – включился в разговор Акихико Хаманака, лидер „Мусасаби". – Но это неправда. – Голос Хаманаки поднялся до высоких нот. – У нас, как в старину, самураи, крестьяне и другие классы. Мы не имеем денег и по-

тому находимся в самом низу. Как мне иногда хочется разгромить все вокруг!

– Все ругают нас: „босодзоку", „босодзоку"... – продолжал Нисияма. – А что они сделали, чтобы нам было интересно с ними? – Нисияма помолчал, будто сам искал ответа на свой вопрос, и сказал: – Может, они завидуют нам? Завидуют, что на скорости 100 километров мы становимся свободными?

– Тебе не приходит мысль, что погибнешь на дороге?

– Приходит. Некоторые из нашей компании погибли... Когда выжимаешь больше 100 километров в час, достаточно маленькой ложбинки или камня, чтобы упасть и разбиться. Мне часто кажется, что я прожил тысячу лет. Может быть, уже хватит?

Молодые якудза, отвечавшие на полицейскую анкету о побудительных мотивах вступления в преступное подполье, говорили правду: гангстерские синдикаты действительно с радостью и доброжелательностью встречают тех, чья попытка адаптироваться в буржуазном обществе не принесла успеха и кто решил поэтому от общества уйти. Подавляющее большинство якудза – выходцы из семей низкооплачиваемых рабочих, занимавшихся физическим трудом, или из семей безработных. Поэтому в среде якудза исключительно высока доля молодежи, не имеющей даже обязательного школьного образования, – 65 процентов. Половина молодых гангстеров до вступления в банду сами были без работы. Хидэоми Ода, один из ближайших к Таоке руководителей „Ямагути гуми", имел полное основание сказать:

„Кто в нашем обществе может дать равные возможности юношам без образования, без денег, без семьи? Только мы. Поэтому наш мир останется. Останется таким, как есть".

5000 процентов прибыли

– Когда я в первый раз попробовала „сябу", мне почудилось, что я – в раю. По всему телу разлилась легкость...

В студии токийской телекомпании за волнистым стеклом, искажавшим черты лица, интервью давала 14-летняя наркоманка. „Сябу" – жаргонное название наркотика. По японским законам личность несовершеннолетнего преступника, его имя сделаться достоянием гласности не могут. С волнистого стекла, за которым лишь угадывались большие глаза под низкой челкой и круглый подбородок, телекамера опустилась на руки – их стекло не прятало. На маленькие детские руки, скромно сложенные на коленях. Вид беспомощно раскрытых ладошек не вязался с хриплым прокуренным голосом, рассказывавшим о драме, пережить которую непросто и взрослому.

– Потом мне захотелось опять испытать райское наслаждение. Затем еще раз. Я стала колоться ежедневно. Но „сябу" стоил дорого. „Кодзукай" – „карманных денег", – что давали папа и мама,

конечно же не хватало. И я убежала из дому. Меня подбил на это человек, у которого я взяла „сябу" в самый первый раз, взяла попробовать...

Человек, пристрастивший девочку к наркотику, был якудза. Он и подсказал ей способ заработать на „сябу". Девочка сделалась проституткой. Денег ей не доставалось – все отбирал якудза. Вместо денег он ежедневно выдавал пакетик с порошком. Во время ночной облавы в токийском увеселительном квартале Сибуя полиция задержала девочку. Она даже обрадовалась, когда ее, связанную одной веревкой, как это водится в Японии, с десятком других правонарушителей, доставили в камеру предварительного заключения. Сама вырваться из рук якудза девочка уже не смогла бы.

В Осаке за мелкое воровство в магазине полицейский задержал школьника. Обыскивая его, полицейский увидел на руке мальчика след от укола шприцем. За школой принялись скрытно наблюдать детективы. Через неделю полиция выявила 24 школьника-наркомана. Некоторые успели сделать по сотне инъекций. Через школьников полицейские вышли на гангстерскую банду „Оно икка" – она поставляла в школу наркотики.

Президент транспортной фирмы в городе Мито, пристрастившись к наркотикам, очень задолжал гангстерам. Гангстеры согласились скостить часть долга, если президент подыщет новую клиентуру. Президент подыскал. После налета на фирму полиция увезла в наручниках 22 наркомана во главе с президентом. Поскольку в конторе больше никого не оставалось, на дверь фирмы пришлось повесить замок.

В городе Кумагая, что в центральной японской префектуре Сайтама, внимание участкового полицейского привлекла необычная стройка. Необычная тем, что двухэтажный дом возводили под руководством единственного взрослого 14 ребят, несовершеннолетие которых не нуждалось в подтверждении свидетельствами о рождении. Принудительный труд не ушел в Японии в прошлое вместе с милитаристским режимом, разгромленным в 1945 году. Современный капитализм создает условия, при которых система принудительного труда может не только существовать, но и приносить изрядную прибыль. Одно из таких условий – наркомания. Гангстерская банда, входившая в синдикат „Инагава кай", поставила 14 убежавших из дому подростков в крепостную зависимость от себя, превратив их в наркоманов, и принудила работать на строительстве дома. Из 7 тысяч иен, полагавшихся ребятам за день работы, якудза отбирали 2 тысячи. Они ограбили ребят в общей сложности на 1385 тысяч иен. Страх перед тюремным заключением, полагающимся за употребление наркотиков, прочно удерживал подростков в руках гангстеров.

Трагедию, разыгравшуюся в Осаке, телевидение транслировало на всю страну. 47-летний безработный в состоянии наркотической галлюцинации зарезал жену, трех соседей, ранил своего сына. Преж-

де чем полиция сумела обезоружить на улице наркомана, он ранил еще троих прохожих. Телезрителям показали руки и ноги преступника. Они были сплошь исколоты шприцем – наркоман делал пять-шесть инъекций в день.

По сведениям полиции, в Японии – 600 тысяч наркоманов. Есть основание думать, что, как и при подсчете числа совершаемых за год преступлений, полиция, мягко говоря, ошибается. Ведь ежегодно в Японию ввозится, по данным той же полиции, количество наркотиков, соответствующее 100 миллионам доз.

Ёситакэ Симада, начальник департамента общественной безопасности Национального полицейского управления, сказал в газетном интервью:

„Духовная опустошенность толкает многих к употреблению наркотиков. Напряженность, возникающая у школьников, которые готовятся к вступительным экзаменам в высшие учебные заведения, тоже причина обращения молодежи к наркотическим средствам. Среди других причин наркомании, – продолжил Симада, – разрыв связей в семье, затем – иностранное влияние, главным образом американское. Сыграли отрицательную роль, – Симада особо подчеркнул это, – средства массовой информации, убеждающие публику, что употребление, скажем, марихуаны не является антисоциальным поступком".

Высокопоставленный полицейский не напрасно обвинил буржуазные средства массовой информации в пропаганде наркомании. В 1980 году Поль Маккартни – один из четверки „битлзов" – попался в токийском аэропорту с марихуаной. Телевидение, газеты подали инцидент таким образом, что ежедневно по полсотне школьников собирались у следственной тюрьмы и скандировали: „Все, что делает Маккартни, прекрасно! Мы будем делать так же!"

„Я не удивлюсь, если мы узнаем, – сказал в интервью Ёситакэ Симада из Национального полицейского управления, – что после ареста и высылки Маккартни из Японии у якудза, торгующих наркотиками, появилось много новых клиентов".

Интервью Симады воспринимается как сигнал бедствия. Симада ни за что не допустил бы столь убийственной для властей откровенности, если бы проблема наркомании не достигла небывалой остроты и если бы власти не чувствовали свое бессилие перед ней. Вряд ли можно найти более красноречивое свидетельство этого бессилия, чем следующие две цифры: из 3 тонн наркотиков, контрабандно доставляемых ежегодно в Японию преступным подпольем, полиции удается обнаруживать не свыше 150 килограммов. Бездонным остается колодец, откуда якудза черпают главную часть своих преступных доходов.

Кадзуо Таока со свойственным ему иезуитством решил, по-видимому, поиздеваться над полицейской беспомощностью и торжественно основал в Кобэ „Всеяпонскую лигу по борьбе с контрабандой наркотиков". Назначение на пост председателя лиги Митио Сасаки должно было, по мысли Таока, довершить посрамление

полиции. Сасаки – босс банды, которая в синдикате Таоки специализируется на торговле наркотиками.

Таока пригласил в члены совета директоров лиги крупных полицейских чинов, но те отказались. Может быть, потому, что буквально накануне приема по случаю провозглашения Таокой крестового похода против контрабандистов полиция накрыла с поличным – грузом наркотика – 103 членов банд, входящих в „Ямагути гуми", в том числе 8 якудза из воинства Митио Сасаки. А затем детективы обыскали помещение самой лиги. У одного из сотрудников они нашли среди бумаг наркотик и шприц. Таока глумливо поздравил полицию с „огромным, – как он выразился, – успехом". „Конфискация иглы, несомненно, явится крупным вкладом в борьбу с контрабандой наркотиков", – сказал Таока.

А контрабанду эту искать так же трудно, как и иглу, но не в конторском столе якудза из гангстерской лиги, а в безбрежном море грузов, поступающих в Японию через 8 международных аэропортов, 109 гаваней, открытых для иностранных судов, 13 международных почтамтов. Гангстеры везут наркотики в урнах с прахом усопших, импортируют в полых палочках сухой туши, используемой японцами для занятий каллиграфией. Якудза из „Сумиёси рэнго", для которых привычно ставить отпечатки пальцев, но никак не выводить кистью иероглифы, закупили вдруг в Южной Корее несколько тысяч штук палочек такой туши. Гангстеры проносят наркотики через таможню в китайской водке из Гонконга – наркотик растворяется в ней и потом извлекается выпариванием. Курьер „Ямагути гуми" вез наркотик в целлофановом мешочке. Приклеив к мешочку тонкую нить, курьер контрабанду проглотил, а конец нити прикрепил к зубу. Если бы Таока брал в руки книжки, у меня возникло бы подозрение, что он прочел чеховскую „Каштанку".

70 процентов наркотиков поступают в Японию из Южной Кореи, 10 процентов – из Гонконга, остальное количество – с Филиппин, Тайваня, из Таиланда. Южнокорейская община, проживающая в Японии, широко представлена в гангстерских синдикатах. Через нее и проложены подпольные маршруты, которыми проникает в страну „белая смерть".

В филиппинской столице „Ямагути гуми", „Сумиёси рэнго", „Инагава кай" учредили свои представительства. Они действуют под вывеской торговых или туристских фирм, попутно с контрабандой и в самом деле занимаясь торговлей и туризмом. В манильских банках у представительств открыты счета.

Возможно, безмятежная для гангстеров обстановка существовала бы в Маниле долго, если бы филиппинская полиция не обнаружила однажды в море, в лабиринте крошечных островов, вместительную лодку, на которой разместилась лаборатория по производству наркотика. Происхождение оборудования и принадлежность лодки не оставили сомнений, кто промышлял подпольным бизнесом. „Мэйд ин Джапан" – значилось на оборудовании, лодку приобрело представительство „Ямагути гуми". Объявленные „пер-

сонами нон грата", работники представительства отбыли с Филиппин в сопровождении полицейских.

Но одновременно японский МИД выдал заграничные паспорта и филиппинские иммиграционные службы проставили в них въездные визы новым эмиссарам гангстерского синдиката. „Ямагути гуми" занимается бизнесом, как и любое другое предприятие, – заявил Кэнъити Ямамото, второй после Таоки человек в гангстерском синдикате. – Нарушение отдельными членами „Ямагути гуми" законов не может служить поводом для преследования всей организации". Логика с точки зрения буржуазной демократии неопровержимая, и японские и филиппинские власти следуют, естественно, ей.

С 1974 по 1978 год банда „Нэгоро гуми" из синдиката Таоки тайно ввезла в Японию 83 килограмма наркотика. Полиция раскрыла гангстерскую сеть и арестовала 116 человек. За незаконный ввоз на протяжении четырех лет 300 килограммов наркотиков полиция взяла под стражу в 1980 году 160 якудза из „Ямагути гуми" и еще двух синдикатов. В 1983 году полиции удалось захватить у контрабандистов 100 килограммов наркотических средств на общую сумму около 5 миллиардов иен. В среднем ежегодно полиция задерживает 20 тысяч человек, связанных с контрабандой и распространением в Японии наркотиков. Но контрабанда растет. И преступников за нарушение закона о контроле над наркотиками японские суды приговаривают к 10-летней каторге. Секрет прост. Прибыль, приносимая контрабандой наркотиков, достигает 5 тысяч процентов. Здесь нет опечатки: 5 тысяч процентов. Грамм наркотика, купленного за границей, стоит 2300–4000 иен. В Японии он приносит 130 тысяч – 170 тысяч иен.

Столь высокая норма прибыли побудила японских гангстеров обратить взор через Тихий океан – на Западное побережье США. Начальник полиции города Гонолулу Бернард Чинг считает, что якудза высадились на Гавайях и в Калифорнии в 50-х годах вместе с первыми японскими предпринимателями, вложившими там капитал, и первыми японскими туристами. Скоро контрабанда наркотиков сделалась, указал Чинг, основным „профилем" японского преступного мира в этой части Соединенных Штатов.

Контрабанда наркотиками – арена острой конкурентной борьбы, грозящая нередко физическим устранением соперника. С учетом этого якудза со свойственным японцам прагматизмом быстро наладили кооперацию с американской мафией. Предназначенные для американского рынка наркотики стали ввозиться сначала в Японию. Здесь у „курьеров" – таиландцев, малайцев, китайцев – контрабанду принимали якудза и доставляли ее на Гавайские острова и в Калифорнию. Дело в том, что американская таможня менее строга к тем, кто въезжает в страну из Японии, чем к путешественникам из Юго-Восточной Азии.

За контрабанду якудза брали с американской мафии не деньги. Японским гангстерам привлекательнее представлялась бартер-

ная торговля: за наркотики они просили оружие. Револьвер обходился якудза в этом случае 4 тысячи иен, винтовка 38-го калибра – 20 тысяч иен. В Японии якудза выручали за них 400 тысяч иен и 2 миллиона иен соответственно. Прибыль оказывалась намного больше, чем от продажи в Японии наркотиков.

„Рискуем больше, зато и получаем больше", – разоткровенничался перед гавайскими полицейскими якудза из „Сумиёси рэнго" Ватару Инада, заподозренный в контрабанде. Инада получил пулю в затылок через 12 минут после того, как уплатил суду залог и вышел до окончания следствия на волю. Он давал показания в совершенно изолированном помещении гавайской полиции считанному числу ее сотрудников. Нетрудно догадаться, что гангстерам, ворочающим баснословными суммами, не составляет труда проникнуть за самые прочные стены и внедриться в среду самых высокопоставленных полицейских.

Помните меткие слова английского профсоюзного деятеля и публициста Т. Дж. Даннинга, процитированные Марксом в I томе „Капитала": „Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы"[1].

Что способна заставить сделать прибыль в 16 с лишним раз большая? Человеческая фантазия не в состоянии, вероятно, вообразить этого. И сколь ничтожными представляются в сравнении с подобной прибылью какие-то 10, 15 или даже 20 лет каторги, на которые обрекаются „курьеры" и „лоцманы" – рядовые, как правило, участники гангстерских синдикатов.

Огромные прибыли распахивают перед гангстерами, так же как и перед предпринимателями, обогащающимися, скажем, на импорте нефти, производстве автомобилей, торговле кока-колой или на банковских операциях, двери не только полиции – своей и зарубежной, – но и министерств, в частности тех, где гангстеры получают заграничные паспорта. Благодаря бешеным деньгам преступному бизнесу открыт путь на газетные полосы и телевизионный экран. И в этом смысле слова представителя Национального полицейского управления Симады как нельзя лучше свидетельствуют о заинтересованности средств массовой информации в пропаганде „прелестей" гангстерского подполья.

Пять тысяч процентов прибыли обладают колдовской силой, какой наделены в сказках маги. Только сила эта не превращает булыжники в изумруды или безобразных старух в юных красавиц-принцесс. Пять тысяч процентов прибыли способны в буржуазном обществе выдать самое страшное зло за лучезарное добро, подлое убийство – за святой подвиг, моральную растленность –

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 770.

за высшее проявление человеческого духа. И нет в этом обществе социальной несправедливости такого преступления, на которое при 5 тысячах процентов прибыли не нашлось бы охотников из числа владельцев капитала рискнуть даже под угрозой – нет, не быть повешенным, – быть сваренным в котле живым.

Револьверы для „патриотов"

Человек в темно-синей рабочей куртке с вышитыми над нагрудным карманом мелкими золотистыми иероглифами вышел из машины, прижавшейся к самому краю пустынного в предрассветный час шоссе, скользя резиновыми сапогами по мокрой гальке, спустился к морю, отыскал место за валунами, невидное с дороги, и раскрыл чемоданчик „атташе". В нем находилась рация. Человек вытащил из углубления в чемоданчике антенну, прикрепил ее одним концом к выступу валуна и надел наушники. Точно в условленное время в них запищала морзянка: „Но-ма-ру-ё". Человек отстучал ключом ответы: „Ру-ру-то-ноль" – и дал отбой. Быстро свернул антенну, закрыл чемоданчик и направился, стараясь не поскользнуться на осыпавшейся под ногами гальке, к машине. Сделалось светлее, и уже можно было разобрать золотистые иероглифы на фирменной темно-синей куртке: „Сигэру Канадзава". И чуть ниже: „Порт Иокогама".

Шифр, которым пользовался Канадзава, был прост. Потому полиции, давно запеленговавшей рацию Канадзавы, не составило большого труда понять короткие послания, которые появлялись в эфире с той же регулярностью – это полиция установила тоже, – с какой курсировал между Филиппинами и Японией либерийский контейнеровоз „Брадеверетт". Цифры от единицы до девяти Канадзава обозначил знаками „катаканы" – японской слоговой азбуки: „Са-ру-но-то-си-ё-ри-ма-су". Запомнить очень легко, так как знаки образовывали фразу: „Приближается год обезьяны". В телеграмме, которую принял Канадзава, сообщалось: „Три–восемь–два–шесть", то есть: „Везу 26 револьверов 38-го калибра". В ответ Канадзава послал просьбу: „Два–два–четыре–ноль" – „Нужны 40 револьверов 22-го калибра".

4 февраля 1982 года контейнеровоз „Брадеверетт" с лоцманом Сигэру Канадзава на капитанском мостике пришвартовался к грузовому пирсу Иокогамы. Против обыкновения иммиграционные чиновники, поднявшиеся на борт судна вместе с лоцманом еще в Токийском заливе, не позволили команде сразу спуститься на берег. Попросили задержаться и лоцмана. На судно пришла полиция и приступила к обыску. Только разыскав 26-й, последний револьвер, детективы перестали обшаривать каюты и трюм. Они увели с собой лоцмана Канадзаву и повара „Брадеверетта" – филиппинца Эутикио Флорес. Канадзава покупал у повара револьверы по 70–80 тысяч иен за штуку и перепродавал их „Ямагути гуми"

и „Инагава кай" по 300–500 тысяч иен. На допросе Флорес сознался, что снабдил Канадзаву в общей сложности сотней револьверов и что в следующий приход в Иокогаму должен был доставить еще 40 револьверов 22-го калибра. Столько заказал синдикат „Сумиёси рэнго".

Японские зоологи пришли в крайнее возбуждение, когда в префектуре Гифу появились кобры. Кобры в Японии отродясь не водились. Пока ученые бурно спорили относительно причин непостижимого уму феномена, полиция провела расследование и выяснила: гангстеры из банды „Накао гуми" ввезли из Таиланда в Японию 30 револьверов в контейнерах с ядовитыми змеями. Якудза рассудили, что таможенники поостерегутся шарить в металлических ящиках, заполненных кобрами и гадюками, и не ошиблись. Из осакского международного аэропорта гангстеры прямиком направились в мотель, натолкали в контейнеры сухого льда и, когда змеи заснули, извлекли оружие. Потом змей якудза выпустили в ближайшую реку.

В здании хиросимского вокзала – облава. Полицейские в форме и в штатском допрашивали и обыскивали всех, кто нес чемоданы, большие сумки, объемистые портфели, – в городе совершено ограбление. Мужчина с короткой стрижкой, державший в руках внушительных размеров бумажный пакет, привлек внимание тем, что, миновав железнодорожных контролеров, отбиравших у выходящих с перрона пассажиров проездные билеты, вдруг захотел вернуться назад, на перрон. Судя по всему, он испугался большого числа полицейских в зале ожидания и в кассовом вестибюле. Уйти, однако, мужчине не удалось. Полицейские открыли пакет – в нем находилось 10 револьверов и 250 патронов. Арестованный оказался боссом банды „Мория гуми".

Допросы длились долго. Чем упорнее отмалчивался гангстер, тем все большей уверенностью проникалась полиция: якудза скрывает что-то важное. Лишь через месяц гангстер наконец заговорил. И 27 декабря 1982 года на автостоянке подле хиросимского вокзала полиция устроила засаду. Стоило Исотаро Ямамото из банды „Кёсэй кай" загнать на стоянку свой авторефрижератор и включить двигатель, как машину окружило плотное кольцо полицейских. В авторефрижераторе Ямамото привез в Хиросиму не свежую рыбу, а 135 итальянских револьверов и 13 500 патронов к ним.

Заводские номера на револьверах были стерты, но в инфракрасных лучах криминалисты прочли: самый маленький номер заканчивался цифрами „094", самый большой – „734". В Японию ввезены по меньшей мере 642 револьвера итальянского производства, сделала закономерный вывод полиция. „Ямагути гуми", „Сумиёси рэнго" платили за эти револьверы по 700 тысяч иен.

В ноябре 1980 года после ожесточенной уличной перестрелки санитары скорой медицинской помощи подобрали с мостовой тела трех убитых и семерых раненых якудза, а полиция подняла из лужи крови оброненный гангстерами револьвер. Он оказался са-

модельным. Через некоторое время у банды „Додзинкай кога гуми" было конфисковано точно такое же оружие. Два года ломала полиция голову, кто и где делал револьверы. А когда докопалась до истины, то не было предела стыду властей, сарказму печати и возмущению общественности: револьверы изготавливались гангстерами в ...тюрьме города Фукуока.

700 якудза, отбывавших наказание в этой тюрьме, работали в тюремных механических мастерских. Босс банды „Накамура гуми" Бунити Накамура, осужденный за покушение на убийство, встретил в тюрьме двух давних дружков, которые за решеткой неплохо освоили профессии слесаря и токаря. Через вольного мастера, руководившего работами в мастерских, Накамура получил от члена своей банды чертежи револьвера, и дело двинулось. Готовую продукцию выносил из тюрьмы в канистрах с машинным маслом тот же мастер из вольных. Затем „Накамура гуми" продавала оружие другим бандам. Не потеряй неаккуратный якудза самодельный револьвер, кто знает, сколько еще функционировал бы гангстерский арсенал за тюремными стенами, надежно укрывавшими преступников от полицейского ока?

В 1980 году в Японии были отмечены 127 случаев применения гангстерами огнестрельного оружия. В перестрелках погибли или получили ранения 47 человек. Полиция провела несколько всеяпонских рейдов специально в поисках оружия и отняла у якудза 942 револьвера. В следующем году – новые рейды и еще тысяча единиц огнестрельного оружия изъята у гангстерских банд.

В 1982 году полиция конфисковала самое большое за предшествовавшие пять лет количество револьверов – 1130 штук. Однако в апреле 1983 года полиция вынуждена была признать, что обезоружить преступное подполье она так и не смогла. За первые три месяца 1983 года гангстеры устроили 66 перестрелок, в которых встретили смерть девять человек. Сообщение об этом полиция сопроводила предостережением: „Теперь каждый якудза имеет револьвер". Можно было бы добавить: и пуленепробиваемый жилет тоже. Синдикат „Инагава кай" импортировал жилеты из Соединенных Штатов.

Жарким летним днем 250 якудза, сменив традиционные черные костюмы и лаковые штиблеты на полувоенную униформу, но не расставшись с черными очками, съехались в буддийский храм в префектуре Тиба, соседней с Токио. Президиум сборища являл собой срез японского истеблишмента: предприниматели, депутаты парламента от правящей либерально-демократической партии, бывший премьер-министр, правые политические деятели и боссы гангстерских синдикатов. Первый оратор, президент известной в Японии строительной фирмы, начал с заявления, категоричного и откровенного:

– Я – якудза и горжусь этим! Что может быть прискорбнее, – предприниматель с нутром уголовника воздел руки к богам, – чем ошибочное мнение, будто якудза – это гангстеры. Мы, –

ударил себя в грудь оратор, – главные защитники свободного мира от международного коммунизма. Нам есть что оборонять и есть чем обороняться! – Якудза понимающе загоготали.

Следующим к микрофону подошел босс гангстерской банды.

– Средства массовой информации, в которые просочились коммунисты, называют нас вооруженными антиобщественными элементами, – закричал он голосом, каким обычно командуют на плацу строевики – фельдфебели. – Что мы вооружены, они не ошибаются, – согласился гангстер. – Но в остальном лгут, – еще пронзительнее закричал он. – Как раз общество-то мы и готовы защитить от красных!

Завершилось сборище речью вице-президента „Всеяпонского патриотического совета", политической организации преступного подполья.

– Когда мы поймем, что кризис близок, – сказал он, – то покинем свои государственные и общественные посты, чтобы быть свободными предпринять наши собственные акции. Мы достаточно организованы и оснащены, чтобы спасти нацию от коммунистического переворота. Мы полны решимости, – вице-президент сделал паузу, чтобы 250 внимавших ему якудза поняли: они услышат сейчас самое главное, – мы полны решимости, – повторил вице-президент, – отдать жизнь во имя нации, но прежде, чем погибнуть, каждый из нас убьет 50 врагов!

Всеобщего и полного разоружения полицией японского преступного мира никогда не было. Такого разоружения, надо полагать, и не произойдет. И не потому, что полиция не обладает для этого возможностями – организационными и техническими.

Когда в 1960 году в Японии поднялась мощная волна протеста против приезда в страну президента США Эйзенхауэра и власти почувствовали, что бессильны совладать с массовым движением, правящая либерально-демократическая партия обратилась за содействием к „защитникам свободного мира от международного коммунизма" – тем самым, что митинговали в буддийском храме в соседней с Токио префектуре Тиба. 18 тысяч гангстеров вызвались охранять вместе с полицией и армией американского президента. Вот уж поистине яркая демонстрация полицейско-гангстерского единства, которое не может быть нарушено мелкими частностями, вроде уголовного кодекса. Эйзенхауэр в Японию не приехал, но прецедент объединения сил властей и преступного подполья состоялся.

Токийская фирма „Нейм плейт" закрыла свое предприятие и выбросила рабочих за ворота. Хозяевам фирмы показалось выгоднее снести завод и продать землю, чем продолжать производство. Защищая свое право на труд, кстати сказать записанное в конституции, рабочие заняли цехи. Хозяева призвали якудза. В ту ночь, когда бандиты расправились с рабочими и очистили, угрожая оружием, завод от профсоюзных пикетов, никто не заметил вокруг предприятия ни одного полицейского.

„При звоне военной амуниции, как презренны все конституции". Вряд ли японская полиция знакома с высказыванием Козьмы Пруткова, но характер классовых отношений в буржуазном обществе точно соответствует сути бессмертного афоризма.

Импортные рабыни

Густо накрашенная девушка раздевалась медленно. Пьяные голоса из зала торопили ее, самые нетерпеливые зрители подходили к открытой сцене, пытаясь схватить девушку за ноги. Она зло отбивалась от назойливых рук и устало переругивалась с залом. Что говорила девушка, никто не понимал. Специалистов языка висайя в зале не было. Девушке только что минуло семнадцать. До совершеннолетия, по японским законам, ей не хватало трех лет. Впрочем, возраст девушки, как и имя, установить сразу вряд ли оказалось бы возможным: девушку привезли в Японию с Филиппин по подложным документам.

Провинциально-аляповатая афиша в человеческий рост, установленная у входа в театр, уверяла, что во всем районе Кансай нет более откровенного стриптиза, чем здесь. Однако жители городка, затерявшегося в горах, проходили мимо намалеванных на синем холсте неестественно розовых тел, и скука захолустья загоняла в театр какой-нибудь десяток мужчин.

И все же стоило заглянуть в этот зал с продавленными креслами, с грязной сценой, которая задергивалась залатанным занавесом. Стоило потому, что в XX веке не так уж часто увидишь человека, проданного в рабство. Я нисколько не гиперболизирую. Семнадцатилетняя филиппинка, раздевавшаяся под музыку на сцене, была рабыней. Через месяц после того, как я увидел ее в отвратительном „стрип-шоу", о рабыне из филиппинского племени висайя написали японские газеты. Они дополнили рассказ, который я услышал от филиппинки.

Девушка приехала в Манилу в поисках заработка. Дома, в деревне на острове Минданао, остались отец и мать, которые не могли прокормить четверых дочерей и сына. Старшей пришлось отправиться в Манилу. Через неделю кончились деньги, что наскребли родители на дорогу девушке, но работу она так и не нашла. Наконец привалило счастье: ее взяли официанткой в кафе. Заработок – в пересчете на японские деньги 6 тысяч иен в месяц.

Однажды кто-то из посетителей кафе – лица девушка не запомнила, именем не поинтересовалась, хороший костюм сразу же внушил ей уважение и доверие к мужчине – выспросив ее, кто она, откуда и как попала в кафе, спросил: „А почему бы тебе не поехать в Японию? Выучишься на манекенщицу..." Потом внимательно оглядел ее: „Да из тебя вышла бы танцовщица. И еще какая!.." Дрогнуло сердце девушки: вот оно, счастье, вот они, сытая жизнь и крыша над головой! Тогда девушке только что исполнилось шестнад-

цать. А когда новый знакомый принес ей билет на самолет до Токио, девушка совсем поверила в свою удачу.

В самолете девушка летела не одна. Другая филиппинка и тот мужчина из кафе – позже из газет она узнает, что звали его Эммануэль Круз – тоже направлялись в Японию. В токийском аэропорту Нарита их встретила пожилая японка и сразу же забрала у девушек паспорта – на сохранение. Девушка отдала документ без всякого сожаления: в нем все было ложью – имя, возраст, место рождения. Только фотография, которую девушка дала мужчине в кафе, была в паспорте ее. Потом девушка прочтет в филиппинских газетах, что, как только ей вручили авиабилет, из Манилы в Токио ушла телеграмма с уведомлением, когда и каким рейсом отбывает „груз". Телеграмму отправил Эммануэль Круз – представитель „Инагава кай" на Филиппинах. Телеграмму получила танцевальная студия – представительница „Инагава кай" в Токио.

В конторе студии разговор с девушкой – деловой и недолгий. Да, здесь ее научат танцу. Да, она будет получать в день тысячу иен. Деньги, полученные во время учебы, и стоимость билета на самолет до Токио девушка, конечно, вернет студии из будущих гонораров. Девушка обязана говорить, что ей уже 20 лет. Но лучше вообще ничего не говорить и на улицу не выходить, так как ее дурное английское произношение и ничтожный запас слов обратят на нее внимание первого же полицейского. А ведь паспорта-то у нее нет, да и въехала она в Японию нелегально. И еще: работать иностранцам в Японии запрещено. Короче, за девушкой числится столько нарушений японских законов, что долгий тюремный срок ей обеспечен.

Учеба длилась около недели. В студии танцем называли стриптиз. Но если б девушке вздумалось уйти, сделать бы это было уже невозможно.

Неделя, минувшая после того, как девушка стала танцовщицей, приучила ее ко многим неожиданностям и разочарованиям. И все-таки первый день работы поверг ее в ужас. С наступлением сумерек хозяин студии посадил девушку и двух других филиппинок, обучавшихся „танцу" вместе с ней, в автомобиль и отправился в префектуру Тиба, неподалеку от Токио. У одного из баров, что длинной вереницей разноцветных рекламных огней освещали с обеих сторон новую автодорогу, хозяин остановился и жестом показал девушке на дверь с огромным изображением похотливо приоткрытых для поцелуя женских губ: „Тебе сюда".

После первого выхода, когда девушка с одеждой в руках вернулась из зала в артистическую уборную, содержатель бара сказал: „Танцевать ты не умеешь. Раздеваешься совсем не сексуально. В следующий выход разденешься догола". Девушка несмело запротестовала. Но сильный удар в лицо заставил ее покориться. В баре не было сцены, и девушка танцевала между столиками. Ослепленная светом яркого софита, она не видела лиц и была довольная этим.

К полуночи в бар вернулся хозяин студии. „Эй ты! – бросил он девушке. – Вон тот, за столиком справа, назначил тебе свидание. Сейчас пойдешь к нему". Девушка ответила было, что не пойдет, не хочет идти, но хозяин сжал ее локоть, достал из внутреннего кармана пиджака нож и острым лезвием пощекотал обнаженную грудь девушки. „Иди, деньги с гостя я уже получил". И хозяин вытолкнул девушку в зал.

Почему не убежала от гангстеров? А паспорт, который якудза предусмотрительно забрали у нее в аэропорту? А незнание японского языка, из-за чего она не могла добраться до Токио и купить билет на самолет? А страх очутиться в японской тюрьме за нелегальный въезд в страну? Но имелась еще одна причина: гангстер из „Инагава кай", получая с клиентов девушки по 30 тысяч иен, отдавал ей 12 тысяч иен – вдвое больше, чем зарабатывала девушка в кафе в Маниле за целый месяц. До конца контракта оставалось совсем немного, и девушка рассчитывала богатой вернуться домой.

Из газет я узнал, что сцена театра в захолустном кансайском городке оказалась для девушки последней. Три филиппинки, работавшие в баре в городе Нагоя, сумели скрыться от якудза. Они приехали в Токио и попросили убежище от гангстеров в посольстве Филиппин. Две другие филиппинские девушки, у которых ужас перед ежевечерними насилиями в гангстерском притоне превозмог страх перед арестом, обратились за спасением к полиции. Она провела облавы в двух десятках городов. Среди задержанных „артисток" была и девушка из кансайского театра. Ее выслали из Японии.

Газеты завершили рассказ о филиппинке данными, полученными из Национального полицейского управления: в 1981 году якудза легально – по туристским визам – и нелегально – по подложным документам – ввезли в Японию 16 447 женщин из азиатских стран и превратили их в проституток, в том числе 12 тысяч с Филиппин, 2300 – из Южной Кореи, 1700 – с Тайваня. Полиция арестовала и депортировала из Японии только 319 проституток. Чем был вызван подобный „либерализм" полиции, газеты не объяснили. В этом не было нужды. Каждому в Японии понятно: как и в случае с контрабандой наркотиков, прибыль гангстеров от торговли „живым товаром" достаточно велика, чтобы оплачивать полицейскую снисходительность.

Гангстеры на экране и гангстеры в жизни

Таоку хоронили дважды. Сначала в кругу представителей респектабельного общества. Во второй раз похороны устроили гангстеры. Ведь и бизнес Таоки делился таким же образом: на легальную и нелегальную половины.

На первых похоронах вместе с лидерами делового мира го-

рода Кобэ и района Кансай собрался цвет японской эстрады и кино: Хибари Мисора, Бунта Сугавара, Синтаро Кацу, Нидзико Киёкава. Фамилии, написанные на лентах к траурным венкам, могли украсить программки по меньшей мере сотни концертов. Певица Хибари Мисора, дольше других пользовавшаяся вниманием Таоки и больше, чем кто-либо из деятелей японской эстрады, способствовавшая обогащению гангстера, произнесла от имени артистов прочувственную панихидную речь.

Связи Хибари Мисора с якудза не ограничивались выплатой синдикату „Ямагути гуми" дани. Брат Мисоры принял от Таоки ритуальную чашечку сакэ, что означало его вступление в синдикат. К тому времени, когда братец возымел желание петь дуэтом с сестрой в концерте, в его послужном списке значились два ареста – за подпольные азартные игры и ношение огнестрельного оружия без разрешения. Возмущенная общественность добилась запрещения Мисоре выступать в течение года. Певица очень обиделась и заклеймила власти: „Абсолютно антидемократично не разрешать брату, даже если он якудза, появляться, где ему угодно. – Мисора явно смешивала публичную концертную эстраду с бандитским притоном. – Человеческие права моего брата попраны!" – трагично возвестила миру певица. Поэтому вознесение Мисорой до божественных высот заслуг Кадзуо Таоки, как самого преданного друга искусств, можно было считать искренним.

Вероятно, и Бунта Сугавара горевал по-настоящему. Билеты на его концерты частенько распространяли гангстеры из „Ямагути гуми". В Осаке они продали однажды все 1300 билетов на концерт Сугавары, выручив 3 миллиона иен, из которых 2 миллиона забрали себе. Газеты написали об „аншлаге" – Сугаваре как раз нужна была реклама, а не деньги. Артиста не встревожило, что на концерт пришли лишь 700 слушателей. Это означало: якудза силой навязывали билеты главным образом хозяевам осакских баров и ресторанов, зависимым от гангстеров.

Не исключено, что горевал о смерти Таоки и киноактер Кэн Такакура, воплотивший в десятках фильмов образ якудза – этакого задумчивого убийцы, неизменно переживавшего за судьбу человеческих моральных ценностей, вонзая меч или нож в тела жертв. Однажды полиция попыталась воспрепятствовать выходу на экран фильма, особенно восторженно воспевавшего преступное подполье. Главную роль исполнял в фильме Такакура. Актер забеспокоился, не пропадет ли напрасно его труд. „Не волнуйся, – сказал ему Таока. – Будь уверен, мы выпустим фильм. Слишком много денег в него вложено. Да и какие законы мы нарушаем?" Продюсером фильма был сын Таоки – Мицуру. Деньги на съемки отвалил сам Таока. Фильм, разумеется, вышел.

Прослезились по Таоке, наверное, Хаппо Цукитэй, Мэдака Икэно и Нобуо Муротани, артисты разговорного жанра. Гангстерам нравилось слушать их на своих праздничных приемах и вечеринках за не слишком затейливый юмор, а актерам нравилось вы-

ступать у гангстеров – они платили слишком высокий гонорар.

Но испытывали ли к боссу гангстерского синдиката такие же чувства все артисты?

Киноактер Кодзи Цурута дебютировал в фильме „Якудза и его стая", который привел Таоку в восхищение. Особенно растрогал гангстера главный герой картины, сыгранный Цурутой. Время для знакомства со своим кумиром Таока выбрал, когда к ногам босса уже склонились одна за другой многие банды. В дорогом двубортном костюме с жилетом и в фетровой шляпе явился Таока на киностудию в сопровождении телохранителей, которым босс строго-настрого наказал не садиться в присутствии дам и не плевать в павильонах на пол. Соприкосновение с возвышенным искусством несколько будоражило Таоку.

Босса встретил менеджер Цуруты – Рэнкити Канэмацу. То ли менеджер еще не проникся сознанием, сколь могуществен Таока, то ли мысли его были поглощены предстоявшими съемками, только приветствовал он гангстера без подобающего уважения. А услышав предложение Таоки принять участие в концертах, организуемых синдикатом „Ямагути гуми", безразличным тоном сказал:

– Ну что вы! График Цуруты заполнен на год вперед. – И в знак того, что считает разговор законченным, встал, холодно бросив: – Честь имею.

Таока с места не двинулся. Долгим внимательным взглядом посмотрел на менеджера. Канэмацу и теперь ничего не понял. А будь он посообразительней, то догадался бы: Таоке очень нужно общество Цуруты – кумира нации. Отблеск славы актера, падавший на гангстера, должен был, по мысли Таоки, облагородить в глазах людей и облик самого босса. Сколачивание империи приближалось к завершению, и Таока беспокоился о реноме великодушного, смелого и верного традициям отцов ее главы. Именно такими великодушными, смелыми, чтящими традиции играл Цурута гангстеров.

Кроме того, ценный „груз" в лице Цуруты – „грузом" якудза именуют и девушек, вербуемых в проститутки, и артистов, которых знает вся страна, – принес бы новые доходы синдикату. Менеджер Канэмацу расстроил планы Таоки. Этого босс не прощал.

Холодным январским вечером в маленькую гостиницу „Бидзэнъя", где обычно останавливались приезжавшие на гастроли в Осаку артисты, вошли четверо мужчин.

– Господин Цурута вернулся? – вежливо поклонившись хозяйке, спросил один из них.

– Нет, – ответила хозяйка. – Концерты господина Цуруты не заканчиваются так рано.

– Спасибо! Мы придем приветствовать господина Цуруту попозже, – сказал мужчина.

Когда Цурута подъехал к гостинице, девушки-поклонницы

крикливой стаей окружили его, требуя автографы. Появились прежние четверо.

– Господин Цурута всем даст автографы. Я помогу вам, девочки, – пообещал поклонницам мужчина с татуировкой на переносице и под глазами. – Идемте к нему, идемте!

С восторженными возгласами толпа ввалилась в гостиницу и поднялась в номер Цуруты. Вдруг мужчины вытолкали девушек из комнаты и бутылками из-под виски, которые оказались на столе в номере, камнями, принесенными с собой, принялись избивать актера. Обливаясь кровью, Цурута рухнул на пол. Четверо, расшвыряв в коридоре визжавших от ужаса, в голос рыдавших поклонниц, вышли из гостиницы, сели в машину, дверцы которой были предусмотрительно распахнуты, и укатили. Человек с татуировкой на лице был Кэнъити Ямамото, которого прочили в наследники босса „Ямагути гуми".

Врачи спасли жизнь Цуруты. Когда актер смог подняться с постели, он тут же отправился к Таоке. Стоя на коленях перед Таокой, беспрестанно складываясь в поклонах, Цурута попросил босса о покровительстве. Актер был прощен. И скоро снова появился на экране. И опять в фильмах о якудза. Фильмы финансировал Таока. Они приносили ему прибыль и создавали гангстерам – помните документ Национального полицейского управления об организованной преступности? – „образы робин гудов, которые связаны друг с другом узами преданности и которые стремятся не только не наносить ущерб невиновным, но и активно помогать им".

Что чувствовали, что думали на похоронах Таоки артисты с судьбой, похожей на участь Цуруты? Никто не даст ответ. Таока умер. Но власть якудза над японской эстрадой и над кино сохранилась.

Незадолго до смерти Таоки журналисты поинтересовались у босса, как он, редко покидавший дом, умудрялся руководить множеством промышленных и торговых фирм и одновременно влиять на эстраду, на кинематограф? „За консультациями люди приходят ко мне сами, – сказал Таока. – У меня есть небольшой опыт преодоления финансовых трудностей, – скромно пояснил он, подразумевая, наверное, способы, какими создал к концу жизни фантастическое богатство. – При нынешней инфляции кинокомпании сталкиваются с нехваткой средств на съемки фильмов, – посетовал Таока. – Они вспоминают обо мне, и я помогаю советом, деньгами. – Таока говорил с видом мессии, который явился спасти мир киноискусства. – Некоторые острые углы я сглаживаю сам".

Сейчас кинематографисты приходят за „консультациями" к новым боссам, тщательно оберегающим, подобно Таоке, свою власть над кино. Кинематографисты знают: в противном случае они рискуют, что якудза станут „сглаживать острые углы" при помощи бутылок из-под виски и булыжников, как это случилось с Цурутой в отеле „Бидзэнъя".

„Сокайя"

„Возможно, мы имеем в Японии изначально извращенную форму капитализма". Эти слова принадлежат ответственному сотруднику японского министерства юстиции Такэо Инаба. Он имел в виду симбиоз „большого бизнеса" и организованной преступности, а именно: сожительство хозяев концернов и банков с „сокайя" – с той частью гангстеров, которая кормилась со стола крупного капитала. Начало сожительства относится к концу XIX века, потому министерский чиновник и сказал об изначальной извращенности буржуазной системы в ее японском варианте.

„Мы являемся средством, которое помогает гладко функционировать машине японского капитализма" – оценка, данная „сокайя" самим себе. Ее выразил Сэйго Мацусима, персонально „заботившийся" о „гладком функционировании" 30 фирм в городе Киото и зарабатывавший на этом 50 миллионов иен в год.

Механизм хлопот о функционировании машины японского капитализма был подсказан гангстерам-„сокайя" правилами, по которым жили до 1 октября 1982 года японские акционерные компании. Эти правила отличались от тех установлений, какие определяют деятельность акционерных компаний в других капиталистических странах. Там воля мелких держателей акций попирается открыто. В Японии это делалось с соблюдением внешних приличий. Но и там и тут политика акционерных компаний диктуется владельцами контрольных пакетов акций, то есть наиболее крупными капиталистами. Тем не менее, располагая одной акцией какой-нибудь фирмы, номинальная стоимость которой 50 иен, дешевле пачки сигарет, владелец ее имел право присутствовать на ежегодном собрании акционеров, задавать по ходу собрания вопросы и требовать на них ответы. „Сокайя" пользовались этим правом широко.

В тех случаях, когда дань, выплачиваемая фирмой, гангстеров удовлетворяла, „сокайя" активно помогали быстрому завершению акционерного собрания и единодушному одобрению рядовыми акционерами всех угодных руководству фирмы решений. Однако стоило фирме проявить строптивость по отношению к криминальному сожителю, как акционерное собрание превращалось в сущий ад. „Сокайя" принимались громогласно задавать вопросы, приводившие в панику руководителей фирмы. Хотя и известно, что капиталистическое ведение хозяйства и порядочность несовместимы, но обнародование, скажем, фактов мошенничества способно вызвать гнев и протесты общественности. „Сокайя" действовали так, что присутствовавшие на собрании остальные акционеры не могли подать голоса даже за самые безобидные предложения руководства фирмы – чему-чему, а насильственным приемам гангстеров обучать не надо.

Короче, участие, скажем, одного-двух десятков гангстеров в акционерном собрании в состоянии было или дать фирменной

машине сработать как по маслу, или застопорить ее ход, что влекло утрату престижа в глазах общественности и делового мира и, как следствие, вызывало падение на бирже стоимости акций. На языке уголовного кодекса подобные действия именуются „шантажом".

Однажды профсоюз концерна „Мицубиси", главного японского производителя вооружений, решил воспользоваться правом акционеров и, приобретя несколько акций, получил возможность послать своих членов на акционерное собрание. Рабочие хотели заявить протест против деятельности концерна, идущей вразрез с мирной конституцией страны, и тем самым привлечь к этому общественное внимание. Стоило, однако, представителю профсоюза подойти к микрофону, как „сокайя" свалили рабочего с ног и здесь же, в зале, жестоко избили.

Химическая фирма „Тиссо" отравила ртутными отходами море у острова Кюсю и погубила или превратила в калек тысячи рыбаков. Жертвы преступления намеревались потребовать на собрании акционеров денежную компенсацию, которая полагалась, кстати, по решению суда. „Сокайя" разогнали рыбаков.

На акционерных собраниях торговой фирмы „Марубэни" и авиатранспортной компании АНА „сокайя" заткнули рот акционерам, пожелавшим выяснить, почему руководители этих предприятий служили посредниками при выплате американским авиаконцерном „Локхид" взяток членам японского правительства, в том числе премьер-министру.

„Обычно накануне акционерного собрания начальник управления общих дел концерна или фирмы приглашает нас зайти к нему, – рассказал „сокайя" Сэйго Мацусима. – Вместе с ним мы стараемся предугадать, чего можно ожидать на собрании от тех или иных акционеров, и выясняем, какие меры фирма хочет, чтобы мы предприняли против них. Затем начальник управления знакомит нас, – продолжал Мацусима, – с разделами годового отчета, опасными с точки зрения возникновения на собрании нежелательной дискуссии. Теперь уже мы решаем, какими методами дискуссию предотвратить. В итоге сообща вырабатываем, – заключил гангстер, – сценарий проведения акционерного собрания".

По таким сценариям и состоялись собрания акционеров „Мицубиси", „Тиссо", „Марубэни", АНА. Да и не только там. В 1980 году, например, годовые акционерные собрания в 95 процентах японских концернов и фирм длились менее 30 минут, в том числе в 66 процентах случаев собрания закончились через 10–20 минут после открытия, как произошло это, скажем, на акционерном собрании автомобильной фирмы „Исудзу".

138 участников собрания, предъявив у входа в конференцзал Токийской торгово-промышленной палаты документы, которые подтверждали наличие у них акций фирмы, заняли места, крутой горкой подымавшиеся от сцены. В первых рядах – „сокайя". Действиями гангстеров дирижировал Эйдзи Симадзаки. На его

визитной карточке значилось: „Президент Института экономических исследований". С таким же успехом шайку лесных разбойников можно было бы назвать компанией грибников. Не кто иной, как Симадзаки, избивал рабочего на акционерном собрании концерна „Мицубиси", за что и был арестован. Повторному аресту он подвергся за вымогательство 3 миллионов иен у инструментальной фирмы „Цугами" и за шантаж металлургической фирмы „Дайдо".

Ровно в 10 часов президент „Исудзу" Тосио Окамото объявил: „Акционерное собрание объявляю открытым" – и зачитал годовой отчет, из которого явствовало, что продано 466 тысяч автомобилей – на 11,5 процента больше, чем год назад, что сумма продаж достигла 688 миллиардов иен, но что прибыль сократилась с 25,4 миллиарда иен до 8,5 миллиарда иен. Чтение отчета заняло 15 минут. По сигналу Симадзаки „сокайя" аплодисментами проводили Окамото с трибуны и, чтобы обычным акционерам не вздумалось проявить интерес к причинам падения прибыли, Симадзаки выкрикнул с места, что собрание хочет перейти к следующему пункту повестки дня. Аплодисменты „сокайя" заглушили протестующие возгласы из задних рядов зала.

Когда с трибуны был оглашен проект решения о назначении новых директоров фирмы и о выплате директорам, уходящим на пенсию, выходного пособия, Симадзаки опять прокричал с места: „Акционеры надеются, что долголетний труд директоров будет достойно вознагражден согласно славным традициям фирмы. Предлагаю, – сказал Симадзаки под одобрительные восклицания „сокайя", – оставить вопрос о конкретной сумме на усмотрение председателя собрания". Сумма была столь неоправданно велика, что руководство фирмы не осмеливалось называть ее вслух. „Сокайя", рукоплеща, поднялись с мест, давая президиуму понять, что акционеры считают собрание законченным. Оно продолжалось 23 минуты. Симадзаки и его „сокайя" получили в том году от „Исудзу" около 40 миллионов иен.

Минули годы. Руководство компании „Исудзу" сочло, что ее расходы на „сокайя" слишком велики, и сократило гангстерам довольствие. К очередному акционерному собранию „сокайя" подготовились весьма тщательно.

Сведения о деятельности фирмы, о частной жизни ее руководителей гангстеры собирали в экономических газетах и журналах, в справочниках, выпытывали у биржевиков, покупали у частных детективов, подслушивали в барах, где развлекались работники фирмы, записывали посредством микрофонов, тайно установленных в квартирах любовниц членов совета директоров.

Как и обычно, в 10 часов утра, президент Тосио Окамото открыл собрание акционеров. Президент объявил о завершении работы собрания только через 5 часов 50 минут. На головы пришедших в ужас членов президиума, ошалелых акционеров и распаленных обилием сенсационного материала репортеров гангстеры обрушили поток разоблачений финансового жульничества, произ-

водственного надувательства, личной нечистоплотности руководителей „Исудзу". Казалось, вызови президент фирмы полицию – и репутация „Исудзу" была бы спасена. Но не протянул Окамото руку к телефонному аппарату. „Мы ничего не можем поделать с „сокайя", потому что они – „сокайя", – объяснил крупный чин из Национального полицейского управления. – Мы в состоянии что-то предпринять, если „сокайя" совершают явно видимые противозаконные действия, например насилие, членовредительство, нанесение ущерба имуществу".

В 1982 году в Японии насчитывалось 500 групп с 6300 „сокайя". Четверть из них – члены „Ямагути гуми" и „Сумиёси рэнго". Гангстеры вымогали у большого бизнеса 65 миллиардов иен ежегодно. „Полиция не могла, – я цитирую слова того же чина из Национального полицейского управления, – добиться сотрудничества от корпораций и фирм. Они не хотели, – сказал полицейский, – давать нам показаний". Почему деловой мир уклонялся от показаний, догадаться нетрудно. До поры он имел от симбиоза с „сокайя" больше выгод, чем потерь. Но когда „сокайя" чаще стали прибегать к тривиальному вымогательству: „Плати деньги или на акционерном собрании устроим дебош", крупные предприниматели с целью избавиться от „сокайя" провели через парламент в октябре 1982 года закон, который предусматривает: для участия в собрании акционеров надо обладать не одной, а тысячью акций; сотрудничество с „сокайя" карается шестью месяцами тюрьмы или штрафом в 300 тысяч иен.

28–29 июня 1983 года, через девять месяцев после вступления закона в силу, 700 корпораций и фирм провели очередные акционерные собрания. Две с половиной тысячи полицейских следили в одном лишь Токио за соблюдением нового закона. И все же в 30 фирмах „сокайя" побывали. Акционерные собрания затянулись там с традиционных 30 минут до четырех часов, а в одной фирме собрание продолжалось целых девять часов. „Сокайя" устроили обструкцию на сей раз не ради денег. Они продемонстрировали свою мощь. „Война между корпорациями и „сокайя" только начинается", – написала газета „Джапан таймс".

Якудза „спасают" Японию

„В тюрьме я зачитывался биографией Мицуру Тоямы, самурая, который в конце прошлого века рвался в Азию, чтобы избавить азиатские народы от европейского гнета и сделать их счастливыми под сенью Японии, – написал Кадзуо Таока в воспоминаниях о восьмилетней отсидке за убийство. – Мысли Тоямы захватили меня на всю жизнь. Его именем – Мицуру – я назвал своего сына".

Как известно, кто чего хочет, тот в то и верит. Кадзуо Таока хотел обладать силой и влиянием, чтобы, не занимая, подобно Мицуру Тояме, никаких официальных постов, вершить политику –

разумеется, ту, что приносила бы ему, Таоке, максимальную прибыль. Поэтому пылко поверил Таока в идеи Тоямы об исключительности японцев, в отличие от других народов, происшедших непосредственно от богов, минуя „посредников" в лице Адама и Евы.

Тояма – патриарх японского фашизма, агрессивного, человеконенавистнического, оголтелого – сделался духовным отцом Таоки, а затем, естественно, и преступного подполья, поскольку „для прихожан, по утверждению японской поговорки, нет иного будды, кроме того, на кого указывает им их священник". Надо ли посему удивляться, что значащийся в официальной статистике контингент якудза совпадает с числом участников правых и фашистских организаций? Это одни и те же люди. Кэндзи Иино, журналист, хорошо знающий закулисную сторону японской политической жизни, пришел к выводу: „Говорить об ультраправом движении в стране в последние годы, не связывая его с гангстерскими бандами, невозможно, и если все эти преступные элементы изъять из современного ультранационалистического движения, то способных к действиям организаций в нем почти не останется, а само движение неизбежно рухнет".

Из социально-политических уроков, преподанных жизнью, – расправа над профсоюзными активистами в порту Кобэ – один из них – Таока вынес твердое убеждение: в буржуазном обществе выгодно иметь поближе к телу антикоммунистическую рубашку, особенно если тело покрыто гангстерской татуировкой. Высокая рентабельность исповедания крайне реакционной идеологии превратила Таоку в фанатичного адепта фашистского вероучения. Приступая к завоеванию Хиросимы, Таока заявил:

– Я ставлю своей целью оградить хиросимские доки от коммунизма. – Таока понимал, что было бы нелепо говорить об истинной цели: грабеже хиросимских докеров. – Меня не беспокоит смерть трех или четырех мелких якудза, – сказал далее Таока. – Их жизнь ничего не стоит, когда мы думаем о будущем страны. – Таока допускал прямой плагиат изречений Мицуру Тоямы. Тот ни во что не ставил людскую жизнь, если речь шла о Великой Японии, правящей миром. Таоке же безразличной была человеческая судьба, если речь шла о великой „Ямагути гуми", правящей миром преступным. – Что больше всего меня заботит, – еще раз подчеркнул Таока, чтобы наверняка заручиться полицейской индульгенцией на разбой, – так это защита доков от коммунистического нашествия".

Сколь исступленно ни грозят „сокайя" большому бизнесу войной, начать ее развернутым фронтом гангстеры вряд ли осмелятся. Они нашли другой выход. Группы „сокайя" объявляют себя политическими ассоциациями и лигами антикоммунистов, регистрируются положенным образом у властей в качестве общественных организаций и легально взимают с корпораций и фирм прежнюю мзду – теперь уже под видом широко практикующихся в Японии так называемых „политических пожертвований".

За год, прошедший после вступления в действие 1 октября 1982 года закона против „сокайя", в „Ямагути гуми" появилось 20 антикоммунистических групп бывших вымогателей, в „Сумиёси рэнго" – 11, в „Инагава кай" – 4. Все они включили в свои названия самые ходовые выражения из лексикона японских фашистов: „патриотическое служение", „почитание духа предков", „сокрушение коммунизма". Большой бизнес не стал скупиться, ожидая от гангстеров действий, соответствующих этим политическим ярлыкам преступных объединений.

Появление фирмы или организации принято в Японии отмечать пышным и многолюдным банкетом. Отели отводят для этого самые большие свои залы. 24 июня 1981 года „Токио принс отель" принимал гангстеров. 3 тысячи якудза из „Инагава кай" отпраздновали здесь возрождение довоенной организации „Дайкося", что в переводе означает „Громкий рев". Лидером организации сделался один из боссов „Инагава кай" Эцуро Киси. В пригласительном билете на банкет Киси написал: „При полной поддержке главы „Инагава кай" и бескорыстной помощи патриотически настроенных представителей делового мира мы можем вернуть к жизни организацию „Дайкося" и унаследовать гордый дух ее довоенных членов". Гангстеров и предпринимателей в равной степени привлек дух шовинизма и национализма, который прославлялся в милитаристской Японии организацией „Дайкося".

Назначением Кодзи Ватанабэ начальником „Молодежного отряда обороны государства", вошедшего в „Дайкося", синдикат „Инагава кай" дал понять, что якудза вполне готовы к осуществлению принципа фашистов: „Одно конкретное действие весомее ста или тысячи споров". Ватанабэ возглавлял шайку „босодзоку", название которой – „особо сумасшедшие" – как нельзя точно характеризовало ее участников. Это они совершили нападение на здание ЦК Компартии Японии. „Босодзоку" предпринял попытку убить премьер-министра Масаёси Охира. По мнению „особо сумасшедших", правящая либерально-демократическая партия и ее правительство потакают коммунизму.

В 60-х годах якудза из „Сумиёси рэнго", из „Инагава кай" заключили политический союз, образовав „Канто кай". Объединиться гангстерам помог Ёсио Кодама, военный преступник, закулисный политический воротила, подсудимый по „делу Локхид", обвинявшийся в получении и даче взяток на общую сумму 1,5 миллиарда иен. Кодама не дожил до вердикта. Он умер в 1984 году. А незадолго до смерти он довершил свой политический портрет, заявив в журнальном интервью: „Есть 50 или 60 организаций якудза, которые считают меня своим лидером".

Кодаму прозвали „куромаку", то есть „руководителем, действующим за черным занавесом". Обычно он не афишировал свои связи, а если говорил о них, то старался придать им скромные масштабы. Поэтому цифру гангстерских банд, что считали Кодаму лидером, следует увеличить по меньшей мере в 10 раз. Только

в „Канто кай" их было около двадцати. Кодама, как и подобает лидеру, составил для „Канто кай" политическую программу. Она открывалась клятвой „отдать жизнь во имя интересов нации", а они заключались, судя по пункту второму программы, „в борьбе против коммунизма и в насаждении патриотизма в сердцах японцев".

Кадзуо Таока импонировал Кодаме. В совершеннейший восторг привела Кодаму беседа Таоки с газетным корреспондентом, в которой гангстер со свойственной ему безапелляционностью изложил кредо мракобеса. „Знаете ли вы, к чему привели так называемые свобода и либерализм? К дикой инфляции и растущему беспорядку, – зло отчитал якудза журналиста, который, начиная интервью, посмел усомниться в правомерности идей Мицуру Тояма. – Как вы думаете, – справился далее гангстер у журналиста, – кто извлекает выгоду из всего этого? – И сам же поспешил ответить, не желая, видимо, чтобы журналист, отрицавший идеи Тояма, мучился в догадках: – Коммунисты. Япония нуждается, – подытожил Таока, – в очищении нации от социалистической заразы". О подобной „очистительной" работе Кодама и повел разговор с Таокой в Кобэ, в ресторане, километровый путь до которого от вокзала Кодама проделал по живому коридору: его образовала тысяча якудза, выстроившихся в два ряда.

После хлебосольного ужина в ресторане пройдет время, и вместо „Канто кай" на свет появится „Дзэнъай кайги" – „Всеяпонский патриотический совет", организация не столько политическая, сколько террористическая. Помните, вице-президент „совета" на сборище гангстеров в префектуре Тиба призывал отдать жизнь во имя нации, но прежде, чем погибнуть, убить 50 врагов?

И якудза – те, кто еще в убийстве не поднаторел, – приступили к тренировкам. В горных лагерях гангстеры обучались разгонять митинги и демонстрации, стрелять, орудовать мечом и кинжалом. Кодама оплачивал „туристические поездки" гангстеров на Гавайские острова – там стрельба из боевого оружия входила в программу „культурного обслуживания" гостей наряду с „сёрфингом" – катанием на досках в волнах океанского прибоя – и с приобретением в местных лавках ярко расписанных рубашек „алоха".

В спортивном зале, арендованном гангстерами, – тренировка рукопашной схватки. На стене лозунг: „Убей одного – и в живых останутся многие". Ниже – подпись тех, кто намеревается воплотить кровожадную сентенцию на практике: „Антикоммунистические ударные силы". За тренировкой следил главарь банды. Обращаю его внимание на татуировку, что покрывала тела низколобых недорослей, самозабвенно дубасивших друг друга.

– Ну и что? – вызывающе сказал главарь. – Общество ставит якудза вне закона, но мы выше личных обид. Как раз мы, – главарь повел рукой по залу, где упражнялись полсотни гангстеров, – и спасем страну от нашествия коммунистов.

– Кого вы считаете коммунистами? – попросил уточнить я.

– Не только Россию, – уверенно ответил якудза, – но и японских радикалов, социалистов...

– Знакомы ли вы с Ёсио Кодама? – следующий мой вопрос.

– Конечно! – Гангстер даже растерялся от моей наивности. – Он для нас – учитель.

Не исключено, что именно после общения с бандой „Антикоммунистические ударные силы" Кодама сказал: „Время от времени я встречаюсь с молодежью, которая серьезно задумывается о будущем нашей страны, выступая против коммунистов, социалистов и даже против либерально-демократической партии. – Кодама явно гордился своими выучениками. – Я потрясен пылом этой молодежи – он тот же самый, каким горел я в годы моей юности. – Ностальгические нотки в повествовании Кодамы быстро сменились, однако, деловой интонацией. – И я помогаю молодежи деньгами и другими способами", – сообщил Кодама.

Что касается пыла, обуревавшего Кодаму в молодые годы, то он был сродни маниакальной горячке: Кодама подымал руку на премьер-министров и министров каждый раз, когда фашисту мерещилась медлительность довоенных правительственных кабинетов в подготовке к агрессии в Китае и к нападению на СССР.

Кодама стремился заразить такой же „горячкой" нынешних якудза и преуспел в этом. В 1981 году полиция зарегистрировала 349 общественно опасных выступлений правых и фашистских организаций, носивших политический характер. За шесть месяцев 1982 года подобных выступлений полиция насчитала 265, в том числе покушение на жизнь председателя Генерального совета японских профсоюзов Мотофуми Макиэды.

Депутаты, полицейские и воры

В фешенебельном токийском районе Роппонги в шикарном многоэтажном доме, соседствующем с особняками американского и шведского посольств, на дверях одной из квартир появилась табличка с японской и английской надписями: „Общество поддержки Сигэмаса Камоды". В полном соответствии с законом общество зарегистрировалось в министерстве по делам местного самоуправления как организация, оказывающая помощь кандидату в депутаты верхней палаты японского парламента. Перестроенная из квартиры контора „Общества поддержки" обставилась канцелярскими столами, шкафами, мягкими креслами и диваном. На стене – японский флаг в раме и под стеклом. У телефонного аппарата – девушка, ворковавшая в трубку: „Спасибо, что звоните нам. Контора Сигэмаса Камоды слушает". Словом, все как всегда в тех случаях, когда люди задаются целью попасть в парламент, и как везде, где люди ищут голоса избирателей.

К факту возникновения „Общества поддержки Сигэмаса Ка-

моды" остались бы равнодушными даже соседи по лестничной площадке, не говоря уж о прессе, если бы не биография кандидата в депутаты: Сигэмаса Камода входил в восьмерку высших, после Таоки, руководителей „Ямагути гуми", лично возглавлял 39 банд синдиката с 585 гангстерами и контролировал 14 префектур, провел девять лет в тюрьме за тайный игорный бизнес, торговлю наркотиками и убийство.

Напрасно думать, что телевидение, газеты ударили в набат общественного возмущения в связи с тем, что преступное подполье пытается проникнуть в среду „слуг народа". Еженедельник „Сюкан Санкэй" ограничился меланхолично заданным риторическим вопросом: „Если комедийные актеры и исполнители рок-н-ролла могут быть избраны в парламент, то почему боссу гангстерской банды не стремиться попасть в одну из палат нашего законодательного органа?" Публицист Кэндзи Иино с невозмутимостью летописца, знакомого со всяческими гримасами человеческого бытия, констатировал: „Не будет ничего нового, если якудза окажутся в числе депутатов парламента. В 1925 году, например, парламент на треть состоял из гангстеров". Бывший премьер-министр Такэо Фукуда с иронией, свойственной человеку, который за долгую жизнь в политике многого насмотрелся, заметил: „Что ж, это неплохо, если в нашем кругу появится человек с иным цветом волос". Зато бурную хвалу японской демократии воздал председатель „Общества поддержки Сигэмаса Камоды", гангстер из „Ямагути гуми", лидер антикоммунистической „Азиатской лиги" Тоёюки Нагамото (36 приводов в полицию за подпольные азартные игры и букмекерство, отсидка за дебош): „В нашем свободном обществе действительно свободно все. Даже якудза может заняться политикой и сделаться членом палаты советников"

Пропагандистская брошюрка, сочиненная Нагамото, открывалась словами: „Сигэмаса Камода вступает в политический мир с намерением посвятить всю оставшуюся жизнь борьбе за ликвидацию наркомании – главного зла, коверкающего здоровье и судьбу молодежи". Говорят, что ложь – тот же лес: чем дальше, тем труднее выбраться из нее. Наркотики приносили синдикату „Ямагути гуми" 60 процентов всей прибыли. Поэтому Нагамото и не собирался искать дорогу из дебрей и продолжал громоздить новые небылицы. „Я решил заняться политикой, – процитировал Нагамото в брошюрке самого Камоду, – чтобы защищать свободный мир, чтобы сделать наше общество спокойным, радостным и процветающим".

Здесь и вспомнить бы автору брошюрки „осакскую войну" между „Ямагути гуми" и „Мэйю кай" и операции Камоды против соперников: на многотонном самосвале въезжал гангстер в принадлежавшие „Мэйю кай" залы игральных автоматов и кафе и давил не только все, что попадало под тяжелые колеса, но и всех. Припомнить бы, что за „осакскую войну" заработал Камода свой первый тюремный срок. Читатели брошюрки об этой странице жизни

Камоды не узнали, но Нагамото наверняка держал ее в голове, потому что гимн гангстеру закончил так: „Сигэмаса Камода – наиболее подходящий человек для роли японского лидера на 80-е годы".

Камода не сумел осчастливить Японию своим лидерством. Полиция помешала. 14 июня 1982 года 850 полицейских в ходе внезапного рейда по владениям „Ямагути гуми" захватили на месте преступления – организация азартных игр, букмекерство, вымогательство – 53 гангстера. Еще 52 якудза выскользнули из полицейских силков и ушли в подполье. Среди них – Сигэмаса Камода. Находиться в списке для всеяпонского розыска и одновременно баллотироваться в парламент – до этого буржуазная свобода в Японии еще не доросла. Но, без сомнения, дорастет. „Отведи господ депутатов парламента в баню и раздень донага, – сказал в журнальном интервью гангстер из „Сумиёси рэнго". – Не скажу, что у каждого второго, но уж у каждого третьего наверняка увидишь цветную татуировку. А у депутатов префектуральных собраний эта прелесть – у каждого второго".

Коити Хамада, депутат парламента, заведующий отделом массовых движений либерально-демократической партии, разукрасил спину и грудь цветным изображением дракона в синдикате „Инагава кай". Это случилось в 1953 году, когда будущий лидер ЛДП усваивал уроки гангстерского этикета и карточных приемов в качестве „сансита" – начинающего якудза. На низшей ступени гангстерской иерархии Хамада не засиделся – в его активе уже числились 12 месяцев тюрьмы за воровство, вымогательство и покушение на убийство. Прямо из „сансита" он перешел на службу к Ёсио Кодаме.

За три года секретарства у закулисного воротилы Хамада добавил к навыкам якудза необходимые для консервативного лидера познания в технологии политической коррупции. С помощью Кодамы и на его деньги он занял сначала место в префектуральном собрании, а затем – в парламенте. На очередных парламентских выборах Хамада потратил на подкуп избирателей рекордную в истории японского высокопоставленного мздоимства сумму. 329 подручным Хамады полиция надела наручники, а коррупционер к знакам отличия парламентского заместителя начальника управления национальной обороны и парламентского заместителя министра сельского хозяйства и лесоводства добавил партийные лычки – заведующего отделом, который ведает организацией парламентских выборов. Либерально-демократическим бонзам пришелся, видно, по сердцу ловкий жулик. Шельмовство Хамады они хотели теперь использовать в интересах всей партии.

Гангстерские повадки подвели, однако, Хамаду. В компании с видными якудза Хамада отправился весной 1980 года в США, в Лас-Вегас, где в один присест проиграл в казино 1,5 миллиона долларов. Карточные долги Хамады – кандидата, как поговаривали тогда, в премьер-министры – покрыл финансовый магнат Кэнд-

зи Осано – впоследствии подсудимый по „делу Локхид", но скандал все же выплеснулся на телеэкраны и газетные страницы. Хотя Хамада ушел из партии и покинул парламент, процент татуированных персон среди депутатов не снизился.

28 ноября 1982 года „Общество поддержки депутата Сюдзи Кураути" устроило прием в городе Фукуока. Участники приема платили по 20 тысяч иен за пригласительные билеты. Это – узаконенная форма сбора средств на ведение депутатом дорогостоящих избирательных кампаний. Как сообщила газета „Асахи", по пригласительным билетам, подписанным министром – начальником Административного управления Ясухиро Накасонэ, нынешним председателем либерально-демократической партии и премьер-министром, крупным деятелем этой партии Рокусукэ Танакой, губернатором префектуры Фукуока, президентами крупнейших фирм, на прием пожаловали 3 тысячи человек. Все обстояло очень пристойно, если б не деталь: 2 тысячи билетов на сумму 40 миллионов иен распространили гангстерские банды „Кудо кай" и „Кусано икка" из синдиката „Ямагути гуми". Покупателями же стали хозяева кафе, баров, так называемых „пинк-салонов" и „турецких бань" – эвфемизм публичных домов, – то есть традиционные данники гангстеров.

Якудза необыкновенно далеки от филантропии, но они чтут принцип „гири" – долга признательности или, если проще, соблюдают правило „ты – мне, я – тебе". Когда член „Ямагути гуми" попался за убийство, депутат Сюдзи Кураути вместе с бывшим премьер-министром Нобусукэ Киси и бывшим министром просвещения Умэкити Накамура поручились за преступника и помогли ему выйти на свободу под денежный залог. Была и другая причина, объяснявшая теплые чувства якудза к консервативному политику. Во время выборов он задолжал гангстерам 20 миллионов иен, так как собственных и партийных средств не хватило на избирательную кампанию. Реализовав пригласительные билеты на прием, якудза вернули свои деньги, а заодно пополнили избирательный фонд депутата.

С 1980 по 1982 год министр труда Акира Оно через своего секретаря получил от „Ямагути гуми" в качестве „политического пожертвования" 100 миллионов иен. В обмен министр консультировал синдикат по юридическим вопросам, которых у якудза возникало, как несложно догадаться, великое множество.

В июле 1981 года „Ямагути гуми" силой оружия – один убитый, трое раненых – изгнала „Инагава кай" из отрасли, производящей игральные видеоавтоматы. Отныне за каждый новый видеоавтомат синдикат взимал с производителей 20 тысяч иен. Для полного контроля над выпуском продукции „Ямагути гуми" угрозами и силой согнала предпринимателей во всеяпонскую ассоциацию. Дабы придать вымогательству респектабельный характер, синдикат предложил пост советника в ассоциации Масахару Готоде. До службы в ассоциации Готода возглавлял – что бы вы думали? –

Национальное полицейское управление. А потрудившись на ниве видеоавтоматов, Готода перекочевал в правительственный кабинет.

Нечасто, но случается, что гангстеры обижаются на консервативных политиков. Стоит им проявить каплю принципиальности, как якудза приходят в волнение. На митинге в Киото якудза с ножом в руках напал на Ёхэй Коно, который вышел из либерально-демократической партии, возмущенный коррупцией в ее рядах. „Я хотел убить Коно, потому что он чуть было не расколол ЛДП", – заявил гангстер, обнаружив трогательную заботу о стабильности существующего политического устройства. Однако большей частью гангстеры живут с консерваторами в согласии и дружбе.

Какие события в „Ямагути гуми" ни происходили бы – например, свадьба отпрысков боссов, закладка ими особняков, – среди почетных гостей неизменно присутствуют деятели из ЛДП: депутаты, партийные лидеры, министры. Когда по обвинению в убийстве полиция прибыла арестовать босса банды „Сэйрёку кай", входившей в „Ямагути гуми", то в кабинете гангстера увидела фотографию в рамке на стене: убийца чокается бокалом с бывшим премьер-министром Масаеси Охира. Рядом висел, тоже в раме, лист плотной бумаги со стихотворной строкой, каллиграфически выписанной рукой другого премьер-министра – Эйсаку Сато. Заметив удивление полицейских, якудза гордо пояснил: „Мы связаны общими убеждениями и общими принципами".

Благодаря, наверное, этой общности 969 гангстеров получили в 1981 году от министерства здравоохранения и социального обеспечения по 1,7 миллиона иен. Выплата производилась по программе помощи людям, потерявшим возможность обеспечивать себя из-за увечья, болезни или старости. Уж не за отсеченные ли по гангстерскому обычаю пальцы правительство облагодетельствовало бандитов? Или, может, решило оплатить вынужденное безделье якудза, пострадавших в перестрелках и поножовщине?

И о совсем уж веселом случае японцы узнали под новый, 1980 год, хотя, отсмеявшись, наверняка серьезно задумались: кто же в конце концов заправляет жизнью в Японии? Оказалось, что гангстеры обобрали на 3,9 миллиона иен... резиденцию премьер-министра. Запугав работников, ведающих хозяйственными делами, якудза заставляли их покупать, например, жидкое мыло для уборки помещений в 9 раз дороже, чем оно стоит в магазине.

„У вас есть, кажется, четырехлетний сын? Мы слышали, вы его очень любите..." – многозначительно сказали якудза управляющему делами министерства связи, и тот переплатил гангстерам за канцелярские товары, за моющие средства 28 миллионов иен. Всего в 1977–1978 годах резиденция премьера, министерства связи, транспорта, правительственные агентства и даже управление национальной обороны позволили гангстерам украсть у себя 1 миллиард иен.

Куда же смотрит полиция? – возникает закономерный вопрос. Полицейские смотрят в том же направлении, что и консервативные

депутаты, и сами якудза, – в сторону личной выгоды, а служебное положение блюстителей порядка предоставляет, при наличии обширного преступного подполья, неограниченные возможности для обогащения. Короче, полиция берет взятки, берет в любом количестве и в любой форме – от денег до щенков, не обязательно борзых.

Начальник полиции города Химэдзи за выдачу гангстерам разрешения на открытие бара взял кольцо с бриллиантом стоимостью свыше миллиона иен и скульптурное изображение тигра, оцененное впоследствии следовательской экспертизой в несколько сот тысяч иен, – полицейский слыл большим любителем искусства.

Хозяин подпольного игорного дома выплатил 2,5 миллиона иен детективу участка Минами, что в городе Осаке, за предупреждение о готовящемся полицейском рейде против игорного бизнеса. В другом осакском полицейском участке, Сонэдзаки, взятки брались от якудза – владельца „пинк-салонов" – за информацию об операциях по выявлению проституции. Гангстер уже отсидел в тюрьме за нарушение закона, запрещающего торговлю женским телом, и содержал „пинк-салоны" без надлежащей лицензии.

В тюрьме города Футю полицейские кормились с передач, которые получали с воли отбывавшие срок гангстеры. Передачи содержали виски, пиво, сигареты, шоколад и даже наркотики. Ополовинив каждую посылку, надзиравшие за тюрьмой полицейские относили передачи в камеры. Довольными были обе стороны, как вдруг разразился скандал: об алкогольно-шоколадном сосуществовании полицейских и якудза прознала печать. Начальник тюремной охраны вызвал из камеры гангстера для допроса. Якудза так возмутился – разве половинная доля – мало? – что пробил полицейскому голову жестяной банкой с пивом.

В марте 1983 года Осакский окружной суд приговорил к трем годам тюрьмы полицейского офицера Такахира Киёту, который являлся постоянным осведомителем гангстерских банд. Они выплатили ему 13,5 миллиона иен. Еще четыре офицера находились под следствием по аналогичному делу. На процессе Такахира Киёты адвокат просил о смягчении подзащитному наказания, поскольку тот был мелкой сошкой в системе коррупции, разъевшей осакскую полицию. „Мой подзащитный лишь в незначительной степени использовал служебное положение, – воззвал адвокат к судьям. – Начальники Киёты, – адвокат потряс в воздухе кипой собранных свидетельств, – делали это в гораздо больших масштабах!" Суд учел заявление адвоката и вынес частное определение: „Высшие полицейские руководители превратили Киёту и других младших офицеров в „козлов отпущения" и сами избежали ответственности".

Ах, что же вы, озорники, наделали! – укоризненно воскликнули члены Национальной комиссии по общественной безопасности – главного органа, наблюдающего за деятельностью полиции. Комиссия состоит из людей, накрепко связанных с либерально-

демократической партией. И на 120 крупных полицейских чинов, включая начальника полицейского управления города Осаки и генерального инспектора Национального полицейского управления, обрушились „страшные" кары – выговоры письменные, выговоры устные, замечания. 109 рядовым „проказникам" временно снизили зарплату, не слишком сильно. Денежные дотации, которые участковые и патрульные полицейские получили от якудза, были значительно больше.

Полицейским властям на местах Национальная комиссия предписала усилить воспитательную работу с персоналом. Первым отреагировало полицейское управление префектуры Сайтама. В 130-страничном „Этическом кодексе полицейского", составленном управлением, содержались инструкции, требовавшие от блюстителей порядка необыкновенного стоизма: не брать денег от якудза даже взаймы, самим оплачивать счета в барах и ресторанах, воздерживаться от интимных отношений с замужними женщинами, вдовами и девицами легкого поведения, объясняться с людьми на нормальном языке, а не на гангстерском жаргоне. Префектуральное полицейское управление выпустило кодекс в 10 тысячах экземплярах. Еще 10 тысяч экземпляров напечатали якудза. „Полицейские поборы сделались непомерными, – объяснили они. – „Этический кодекс" сделает, мы надеемся, полицейских скромнее".

Депутаты, полицейские и воры. Их поведение – на самом деле зеркало, в котором каждый показывает свой лик. И не только свой. В зеркале отразилась суть политической системы в „Джапан инкорпорейтед".

Похороны в Кобэ

(Эпилог)

Усадьба заполнилась людьми во всем черном. Перед портретом Кадзуо Таоки – заправилы „Ямагути гуми" и других синдикатов и банд. Алтарь уставлен желтыми и белыми хризантемами – цвета траура. Знамена склонены к алтарю. Религия научила гангстерских боссов: ритуальность крепко держит человека в узде. По ритуальности мир якудза уступает лишь католической церкви.

Гангстеры все шли и шли к усадьбе. Обыскивали их уже в пяти местах. На подходе к контрольным пунктам полицейские предупреждали в мегафоны о предстоявшем обыске и предлагали якудза не оказывать сопротивления и не создавать беспорядка. Вдруг гангстер, которого полицейский попросил снять для осмотра туфли, ударил детектива ногой в живот. Мгновенно десяток тел в штатском и в голубой полицейской форме навалились на гангстера. Дружки поспешили было гангстеру на помощь, но властный окрик остановил начинавшееся побоище. Кто-то из боссов „Ямагу-

ти гуми" пришел на шум драки. Якудза выбрался из-под тел полицейских – по его лицу, по шее текла кровь.

Вспомнились слова Таоки. „Я нуждаюсь в обслуживании психологами, которые нашли бы способы сохранить психические и духовные силы членов „Ямагути гуми", – сказал босс. – Многие из них, – констатировал он, – рождены эмоционально неуравновешенными". Таока оправдывался перед общественностью, потрясенной беспримерно жестокой расправой над Киёси Наруми, который покушался на жизнь босса „Ямагути гуми". Не намного меньше, чем обстоятельствами убийства, общественность была ошарашена и гангстерской экзальтацией самого Наруми.

Главарь банды, к которой принадлежал Наруми, погиб от рук якудза из „Ямагути гуми". Наруми поклялся отомстить и в знак нерушимости обета вскрыл в крематории урну и съел прах своего босса. Выстрелом из револьвера Наруми ранил Таоку. Через два месяца после покушения тело Наруми обнаружили в горах неподалеку от Кобэ. Оно было настолько обезображено убийцами, что опознать труп полиция смогла только по фотографии сына Наруми в медальоне у него на шее и по татуировке. Чтобы ослабить у общественности шок и поправить пошатнувшийся образ якудза, якобы добродетельных и любвеобильных в отношении ближних, и пришлось Таоке публично посетовать на врожденную неуравновешенность гангстеров.

Молодые якудза преграждали вход в сад, где происходил обряд поминовения, не только одной лишь полиции, но и корреспондентов тоже. До начала церемонии репортерам разрешено было войти в сад на несколько минут. Теперь якудза сдерживали напористую толпу с теле- и фотокамерами в руках. Ближайшие ко мне двое гангстеров не удержались и полюбопытствовали:

– Из какой страны?

– Корреспондент советского телевидения, – назвался я.

На физиономиях якудза – растерянность, потом угрожающая воинственность.

– Почему хотите захватить Японию?

– Кто вам это сказал? – поинтересовался я.

– Босс, – последовал ответ. – Он сказал, что коммунисты хотят уничтожить наши традиции, нашу историю, осквернить могилы наших предков и...

– Якудза – бастион против коммунистов, – перебил я гангстера. – Якудза – решительные защитники японского духа.

– Откуда знаете? – удивленно и уже миролюбивей спросил гангстер.

– Читал у Таоки, – ответил я.

Эмоциональная неуравновешенность гангстеров, вызываемая социальными причинами, усугубляется мракобесием, замешенным на феодальных традициях, и оголтелым антикоммунизмом. Эти „ценности" пронизывают весь моральный климат преступного подполья. Главная опасность якудза – их психологическая готов-

ность по приказу боссов, криминальных или политических, к выступлению, безумному по форме и фашистскому по содержанию.

Присутствие корреспондентов советского телевидения на похоронах „крестного отца" японской мафии стало второй, после самих похорон, сенсацией. Почему снимаем похороны гангстера? Что думаем о якудза? Какого мы мнения о Таоке? Есть ли в СССР преступное подполье? Эти вопросы сыпались от корреспондентов телеграфных агентств, газет, журналов, телекомпаний. На следующий после похорон день я прочел в газете:

„На вопрос, когда, по мнению советского журналиста, в Японии исчезнет организованная преступность, корреспондент телевидения СССР сказал: „После социалистической революции". Коммунистическая ортодоксальность корреспондента вызвала у окружающих иронические улыбки. Однако, если вспомнить, что в условиях советского режима действительно нет организованной преступности, с ответом журналиста из СССР приходится, хотим мы того или нет, согласиться".

Содержание

Владимир Яковлевич Цветов

МАФИЯ ПО-ЯПОНСКИ

Заведующий редакцией *В. Т. Пискунов*
Редактор *Е. М. Аветисян*
Младший редактор *Н. Т. Матвеева*
Художник *И. И. Суслов*
Художественный редактор *А. А. Пчелкин*
Технический редактор *В. П. Крылова*

ИБ № 3920

Сдано в набор 25.06.84. Подписано в печать 01.10.84. А 00169. Формат 84х х 108 $^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура „Пресс-Роман". Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 3,78. Уч.-изд. л. 4,37. Тираж 300 тыс. экз. Заказ № 4635. Цена 15 к.

Текст набран в издательстве
на наборно-печатающих автоматах

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография „Красный пролетарий".
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

15 к.

Владыки капиталистического мира